

Мария Текун

Сага о Лунгиных

Мария Текун

Сага о Лунгиных

«Издательские решения»

Текун М.

Сага о Лунгиных / М. Текун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965936-1

Семейный роман. В этой книге об истории одной семьи есть все: любовные истории, детективный сюжет, невероятные переплетения судеб героев, таинственные незнакомцы и старые тайны, покрытые пылью профессорских шкафов. Скучать не придется от первой до последней страницы!

ISBN 978-5-44-965936-1

© Текун М.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ	6
I	6
II	15
III	23
IV	30
V	36
VI	41
VII	49
Часть вторая. В ЛЮДЯХ	52
I	52
II	59
III	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сага о Лунгиных

Мария Текун

© Мария Текун, 2019

ISBN 978-5-4496-5936-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

I

Как-то раз светлым сентябрьским вечером спокойную тишину послеобеденного отдыха пенсионеров Лунгиных прорвал телефонный звонок. Валентина Матвеевна, женщина лет шестидесяти, с приятным, интеллигентным и немного строгим лицом, одетая в теплый домашний халат с повязанной поверх него ажурной шалью собственной работы поднялась, отложив вязание.

– Сиди, сиди, я возьму, – успокоил Федор Константинович жену, первым подходя к телефону. Он снял трубку: – Да, слушаю!

И услышал в трубке голос сына:

– Здравствуй, отец! Мы завтра приедем...

Федор Константинович слушал внимательно, заметно меняясь в лице. Образ благодушного пенсионера, любящего после обеда соснуть пару часиков на тахте, прикрывшись недочитанной газетой, постепенно сменился образом человека серьезного и решительного, который не сдал еще своих позиций главы семейства, и судя по выражению его лица, сдавать не собирался.

Вопросов он не задавал, только кивал – так, так – в знак согласия, приглаживая назад все еще густые темные с проседью волосы и теребя ус. Федор Константинович сюрпризов не любил.

– Хорошо, сын, я понял. Все понял. Давай, ждем.

Он повесил трубку. Валентина Матвеевна ждала, что он расскажет, как там Боря, но муж молчал, глубоко погрузившись в раздумья.

– Как там Боря? – спросила Валентина Матвеевна, желая привлечь к себе внимание. – Ведь это он звонил?

– Он.

– И что? – она недоумевала. – Что ты молчишь?

– Он завтра приедет. Сам все расскажет, – ответил Федор Константинович сухо и как-то недобро, что заставило Валентину Матвеевну взволноваться.

– Что-то случилось? – она терялась в догадках.

– Случилось, – Федор Константинович помолчал, стараясь взять себя в руки. – Впрочем, ты не волнуйся, это...

– О чем не волноваться? Что такое, скажи, наконец!

– Он с женой завтра приедет, – нехотя вымолвил Федор Константинович. – Вот что.

– Кто? – красивые спокойные глаза Валентины Матвеевны округлились. – Кто с женой?

– Борис, кто.

– С какой женой?

– Со своей, разумеется. С чьей же еще? – он усмехнулся.

– Как... – Валентина Матвеевна не знала, что сказать.

Она села прямо на свое вязание. Мозг ее принялся лихорадочно работать, но понимание ситуации никак не давалось ей.

– С же-но-ой? – повторила она медленно, растягивая слоги, чтобы удостовериться, правильно ли она расслышала. Федор Константинович лишь утвердительно кивнул в ответ.

– Но что это значит? – она отказывалась понимать.

– То и значит! – в гневе рубил Федор Константинович слова, как поленья. – Что у нашего сына теперь будет... то есть, я хотел сказать, уже есть жена! И завтра он вместе с ней приедет

к нам! Что тут не понятного?! – голос его непроизвольно возвысился до тех пределов, что гремел теперь на всю комнату.

– Мне не понятно, когда это случилось? – возмущалась Валентина Матвеевна едва ли не больше своего супруга, в другие времена обычно пасовавшая перед лицом его гнева, потому что Федор Константинович давал волю чувствам только в ситуациях совершенно исключительных. – То есть, я имела в виду свадьбу, и почему это вдруг мы узнаем об этом последними? Да к тому же по телефону? Как это вообще понимать?

– Это, мать, понимай, как знаешь, – вздохнул Федор Константинович, складывая руки на груди, словно желая таким образом сдержаться и утихомирить сам себя. – И готовься встречать дорогих гостей, вот что.

– И все-таки мне не понятно, когда это он успел? Он же в армии служит?! Или...

– Вот и дослужился, видать...

* * *

Высокий стройный парень в солдатской форме повесил трубку и вышел из кабинки телефонных переговоров московского железнодорожного вокзала. Девушка, ожидавшая его в зале, тут же поднялась навстречу.

– Ну что, сказал? – спросила она взволнованно-радостно, и на ее удивительно красивом, запоминающемся лице отразилась надежда вперемешку с тревогой.

– Угу, – кивнул он и, обняв, поцеловал девушку в щеку. Это должно было означать, что все хорошо.

– А они что? – продолжала расспрашивать она, и ее черные глаза светились озорно и в то же время немного испуганно.

– Ждут нас, – жестом похожим на отца, он пригладил назад короткие темно-русые волосы.

Борис старался держаться спокойно и сдержанно. Он понимал, что теперь отвечает за двоих, и от решений, которые он примет или уже принял, зависит не только его жизнь. И тогда он посчитал своим долгом спросить в последний раз:

– Ты точно решила?

– Ты это о чем? – Аня наивно-доверчиво заглянула ему в глаза.

– Точно хочешь поехать со мной? Прошу тебя, подумай хорошенько, пока еще есть время? Может быть, тебе все-таки лучше остаться?

– С ума сошел? – она покосилась на старый, до отказа набитый вещами чемодан, для верности обвязанный брезентовым солдатским ремнем. – До поезда три часа. И потом, я тебе уже сказала, – она нежно обвила руками его шею, – мне никто не нужен кроме тебя. Никто! Понимаешь?

– Но твоя мать...

– Молчи!

– Может, тебе все же стоит вернуться?

– Ты что?! – глаза ее вспыхнули. – Она же меня убьет!

– Не говори так, – он постарался ее успокоить, желая, чтобы она еще раз подумала серьезно, все взвесила и не принимала решения, повинаясь лишь воле обстоятельств, сложившихся, что там говорить, не слишком удачно.

– Да еще если узнает, что мы поженились, точно задушит. Нет, она мне не простит, ни за что не простит! Все равно из дому выгонит. Так лучше уж я сама сбегу.

Аня на секунду задумалась, и тревожная тень пробежала по ее прекрасному юному лицу. Но вскоре она вновь улыбалась:

– Давай не будем думать об этом, – прошептала она, словно птичка, которая летает и горя не знает. – Давай станем думать только о нас с тобой! И ни слова о прошлом, договорились? Начнем новую жизнь!

– Ладно, – Борис вздохнул, подумав про себя: «Хорошо, если бы все выходило так просто».

Он пока еще не знал этого наверняка, но чувствовал, что прошлое всегда находит свое место в будущем. Для Анечки же, казалось, не существовало ничего, о чем она не думала в данный момент. Такие вот дела.

* * *

Они шли по улице, крепко держась за руки. Словно опираясь друг на друга, тащили тяжелые чемоданы и сумки.

– Далеко еще? – спросила Аня.

– Нет, вон за тем магазином, видишь? – Борис посмотрел на нее, стараясь определить, туда ли она смотрит. – Это наш дом.

– Ваш дом, – повторила Аня медленно, и, оглянувшись кругом, постаралась представить себя здесь, в этом новом для нее мире.

– Не «ваш», а «наш», – поправил Борис, словно в подтверждение ее собственных мыслей.

– Еще не известно... – вздохнула она, и внезапно стало страшно, всего на секунду: «а что, если они не примут нас?». Нет, конечно, в глубине души она верила, что все обойдется, потому что – как же иначе? И что все это просто одно большое и удивительное приключение, которое не может не кончиться хорошо.

Однако, после бессонной ночи в поезде, новая реальность, обступившая ее со всех сторон, смотрелась уже не так романтично. И этот городишко – подумать только – неужели еще бывают такие города? Разбитый асфальт, обшарпанные дряхлые домишки, древние трамваи с одним глазом на облупленном сером носу, скрипуче-дребезжащие, жалкие...

– Не волнуйся, все будет хорошо.

Его слова прозвучали для Ани обещанием почти невыполнимым. Она постаралась улыбнуться в ответ:

– Да, конечно.

Друг за другом по темной лестнице с покореженными перилами они поднялись на третий этаж старой хрущевки. Поставив тяжелый чемодан у обитой старым дерматином двери, Борис нажал на кнопку звонка.

Дверь почти сразу открыл пожилой мужчина, одетый по-домашнему парадно.

– Милости просим, – проговорил он вполне доброжелательно, но Ане показалось, что в его словах сквозила то ли насмешка, то ли... Она не смогла определить это точно, но какое-то чувство недоверия тотчас закралось в ее сердце.

Федор Константинович был значительного роста, строен и крепок, с густыми волосами, гладко зачесанными назад и густыми усами с проседью. Лицо его, правильной и мощной лепки, в которой сразу чувствовалась рука вдохновенного мастера, сохраняло спокойную строгость. Говорил он всегда словно на полтона ниже, как будто нарочно придерживая свой густой, богатый баритон, иначе звучащий бы нелепо в тесной панельной квартирке, как fuga Баха из музыкальной шкатулки.

– Ну, с приездом, – сказал он, приглашая гостей войти.

– Проходи, – Борис пропустил Аню вперед. – Знакомьтесь, это Аня, моя жена, – представил он.

При слове «жена», щеки Анечки залил румянец, смущенный, но и счастливый.

– Здравствуйте, Аня, мы очень рады, – проговорила появившаяся в прихожей Валентина Матвеевна, весьма элегантная женщина приятной наружности. Она была в фартуке поверх нарядного платья. – Проходите, пожалуйста, располагайтесь. Сейчас обедать будем, у меня уже все готово.

Федор Константинович помог Борису отнести их вещи в комнату, в которой все осталось, как было, когда он уходил в армию. Аня вошла следом. Она посмотрела на обклеенные плакатами стены, письменный стол с лампой под зеленым квадратным абажуром, складной диванчик у стены и платяной шкаф у входа. Аккуратная юношеская комнатка, почти такая же, какая была у нее самой, еще совсем недавно – но уже в далекой и прошлой жизни, к которой больше нет возврата и не будет... «Неужели? Никогда?» – она даже испугалась от этой мысли, будучи пока еще не в силах представить себя здесь в роли постоянного обитателя, нового члена семьи.

В гостиной был уже накрыт к обеду стол.

– Ну, сын, рассказывай, – произнес Федор Константинович, когда все семейство расселось вокруг праздничного стола. – Выходит, вас можно поздравить?

– Да, папа, – счастливо улыбаясь, Борис обнял Анечку за плечи, сверкнув новеньким золотым кольцом.

– Ну что ж, рад за вас, очень рад, – сказал Федор Константинович торжественно. – Поздравляю!

Он поднял свой бокал, наполненный шампанским.

– Поздравляю! – повторила Валентина Матвеевна, глядя на молодоженов.

Все чокнулись и выпили шампанского, после чего Валентина Матвеевна поднялась из-за стола и расцеловала сына и «дочь».

Аня чувствовала себя не в своей тарелке. Ей было странно, что родители Бориса ни словом не обмолвились о том, что не довольны, что так не поступают. Держатся, будто о свадьбе не вчера узнали, а год назад – это как минимум. «С виду как будто мы сто лет знакомы», – думала она. И не знала толком, как себя вести. Она чувствовала себя отчего-то виноватой. «Наверное, нужно что-то сказать, извиниться, объяснить?» Она смотрела на Бориса, ища ответа на свои вопросы, но он был спокоен и весел, ни малейшего следа смущения. Она переводила взгляд на его родителей: «Похоже, что они и в самом деле рады. Так, может, все хорошо? И они не против? И не нужно ничего объяснять?» – думала она.

Семейное застолье проходило в сдержанно-торжественной обстановке. Борис подробно рассказывал о своей службе и о том, как они с Анечкой встретились и полюбили друг друга.

* * *

Сразу после школы Борис Лунгин поехал поступать в летное училище – это была мечта детства – и полагал, что шансы его велики: здоровьем бог наградил, да и умом не обидел. В школе на физкультуре и в спорте равных ему не было, по математике и физике держался с четверки на пятерку, по остальным предметам тоже не отставал. В сравнении с одноклассниками и ребятами со двора он привык считать себя лучше многих. Но...

Таких орлов собралось там немало. И за каждым вторым едва оперившемся юнцом стоял родитель с большим клювом и размахом крыльев под два метра. И под каждым крылом у того родителя имелось по кармашку, в котором лежали весьма солидные благодарности за услуги, оказываемые только своим.

Короче, в летное Боря не поступил, а это означало, что год безвозвратно потерян, а дальше – только армия. Немало огорчившись, но все же не отчаявшись, он решил окончить хотя бы водительские курсы и получить права. Все таки лучше, чем совсем ничего.

Судьба в свою очередь не осталась равнодушной к его волевому решению и распорядилась так, что из учебки он попал по распределению в Москву. Служил в Сокольниках при штабе водителем – возил самого командира части, и имел с того привилегии в виде частых увольнительных и черной «Волги» пусть не в личном, но распоряжении. Таким образом, служба его складывалась как нельзя лучше.

А дальше он встретил Анечку.

Случайно встретил, гуляя как-то раз по весне в Сокольническом парке. Борис любил отвлечься там от дел военной службы: мороженое, аттракционы, и девушки – весенние девушки, как птички щебечущие, и нарядные как сойки и славки. О, что за чудо! Распускаются зеленые листочки, солнце сверкает сквозь ветви, ложится бликами под ноги и так пригревает, что хочется порой укрыться в тень. И в такой-то день разве можно грустить и печалиться?

Проходя по аллее, Боря случайно заметил девушку, одиноко сидящую на скамейке под липой. Она вытирала платочком набегавшие слезы, но слезы катились вновь, она всхлипывала так жалобно, что Боря просто не смог пройти мимо. Ему непременно захотелось утешить ее.

– Разрешите вас отвлечь, – сказал Борис приблизившись. – Мороженое хотите?

Девушка взглянула на него удивленно-непонимающе, и в общем-то равнодушно. Она покачала головой и отвернулась, вновь с головою погружаясь в свои горести.

– Разве вы не знаете, что таким красивым девушкам плакать не полагается? – не отступал Борис. Он был буквально сражен ее красотой и прелестью, и этой беззащитностью, с какой она сидела, пристроившись на краешке скамейки, и плакала так по-детски горько и безутешно.

– Кто это сказал? – угрюмо спросила она.

– По уставу не положено, – пошутил он.

Девушка криво улыбнулась, стараясь не смотреть на него. Она явно стеснялась своих заплаканных глаз и всхлипывающего покрасневшего носа.

Но Борис – он просто не мог оторваться. Бывают девушки красивые, их много и все они прекрасны по-своему, но вот внезапно появляется одна единственная, в сравнении с которой все они тут же бледнеют и теряются, смазываясь в общий приятно-безразличный фон.

И в ту минуту Борис, казалось, ощущал именно это. Он видел перед собой только ее лицо, прекраснее которого не мог себе и представить, ее фигуру, одетую скромненько, но со вкусом, ножки в туфельках на каблучках, шелковый шарфик на нежной шейке, темные локоны, блестящие карие чуть раскосые косулины глаза... Внезапно Борис почувствовал, как нахлынуло на него нечто, и закружило в сумасбродном водовороте бесконечно счастливых и неизведанных чувств, волнами накатывающих, захлестывающих с головой. И все теперь было для него одного: и это синее небо, и солнце, и свежий запах липовых почек, и теплый ветерок, доносящий неизвестно откуда томительно-сладостный аромат первых цветов.

О! Он ощутил такой прилив нежности и любви, что ему захотелось непременно и именно теперь обнять ее осторожно и ласково и поцеловать в эти милые все еще надутые губки. Но вместо того, призвав на помощь все свое обаяние и красноречие и подключив способности, о которых и сам не подозревал, Боря старательно производил впечатление. И судя по тому, что глаза постепенно высохли, хмурый лобик разгладился, губки заулыбались и головка больше не отворачивалась от него, весьма удачное.

Она была весела, он – просто счастлив! Они вместе гуляли по парку, разговаривали, узнавая друг друга. Он шутил – она смеялась, он предлагал – она соглашалась. Все складывалось как нельзя лучше, и под вечер они расставались уже добрыми друзьями. А расставшись, Борис на груди в кармане гимнастерки уносил ее телефон и адрес, написанный круглыми ровными буквами.

* * *

Они стали встречаться, и местом встречи была назначена та самая скамейка в парке, где они увиделись впервые. Влюбленные без устали кружили по городу, шагая по улицам и уединяясь в сквериках под гроздьями распутившейся сирени. В те счастливые дни все вокруг существовало только для них одних, и не было преград ни их чувству, ни его проявлениям, которые, впрочем, не заходили дальше объятий и поцелуев, порой весьма страстных.

Однако, несмотря на то, что влюбленные не замечали ничего вокруг, жизнь между тем шла своим чередом: Анечка попутно защищала диплом на новоявленном экономическом факультете в химико-технологическом институте, а Боре по осени предстояло увольнение из армии и долгожданное возвращение домой. Хотя, при теперешних обстоятельствах, он готов был отслужить еще год, лишь бы не расставаться со своей возлюбленной.

Расставание невозможно было даже представить, ведь им обоим казалось, будто они знакомы целую вечность и жизнь имеет смысл, только если они вдвоем. Так им казалось, хотя все их встречи можно было бы по пальцам пересчитать, а время проведенное ими вместе в общей сложности было бы столь мало, что они оба удивились бы, если бы только задумались о том.

Но Аня с Борисом в последнее время думали только о том, как им быть дальше.

И вот однажды в одно августовское воскресенье Борис, получив долгожданное увольнение, купив торт и большой букет хризантем, направился по адресу, который успел выучить, как свой собственный. Он весь горел и шел на пружинных ногах, перескакивая сразу через две ступеньки, в который раз представляя себе, как всё будет, и в его мечтах это «всё» складывалось как нельзя лучше.

Анина мама, Надежда Петровна, встретила незнакомца в военной форме весьма спокойно, если не сказать – сухо. Она приняла букет, распорядилась, чтобы Аня накрыла к чаю в гостиной, очень вежливо поговорила с новоявленным кавалером, который, как не пытался себя успокоить, места себе не находил, и все никак не мог найти удачный момент, чтобы сообщить о своих намерениях будущей теще.

И вот, когда торжественный момент настал, и Боря, то краснея, то бледнея, попросил Анечку выйти за него замуж, а Надежду Петровну – благословить их брак, он получил два ответа, один из которых оказался совершенно неожиданным. Анечка, понятно, сказала «да», покраснев и смешавшись перед лицом матери, а Надежда Петровна, так же сухо и спокойно заявила новоиспеченному жениху, что эта свадьба состоится только в одном случае, а именно – через ее труп!

Борис был совершенно обескуражен таким поворотом дела. Он не мог взять в толк, что послужило причиной столь категорического отказа. И дальше все пошло совсем не по сценарию, который он составил у себя в мечтах.

Анечка тут же бросилась в слезы, Борис в свою очередь бросился ее утешать, но был настигнут суровым требованием немедленно покинуть этот дом и больше не пудрить мозги ее дочери, что означало в понимании Надежды Петровны только одно – никогда больше здесь не появляться.

Возвращаясь обратно в часть, Борис чувствовал себя как оплеванный и упорно пытался проникнуть в суть произошедшего, а именно – по какой причине его выгнали, можно сказать, взашей? Обычно так поступают как раз с теми, кто жениться не собирается, и это еще можно понять, но тут... Он сам пришел с предложением, а его выставили с позором, только что букетом по роже не отхлестали.

«Может быть, не нужно было так сразу? – думал он. – Про женитьбу? Сначала сходить познакомиться, так сказать, официально, а уж потом...» Но когда потом? Если бы времени

было вагон, и увольнительные ему давали бы по первому требованию, тогда можно было бы хоть каждую неделю ходить чаи распивать и подготавливать строгую мать к перспективе близкой разлуки с дочерью. А тут...

Впрочем, Боря не готов был отступить, потерпев первое фиаско. «Может, это она от неожиданности отреагировала столь неадекватно, – рассуждал он о странном поступке Надежды Петровны, – и мне следует забыть и попытаться еще раз?»

Но легко сказать – забыть. Такое разве забудешь? И Аня? Неужели она до сих пор ничего не сказала? Похоже на то. Но – отчего тогда не сказала ему, что у нее какие-то сложности?

Об Анечкиной жизни Боря знал самую малость – что она всю жизнь, а это без малого двадцать четыре года, безвыездно прожила в Москве на улице Русаковской, что воспитывалась без отца, и что мать у нее очень строгая. Но – не до такой же степени, чтобы вышвыривать людей из дома только потому, что ей так хочется!

С тех пор Борис много думал о том, как ему следует поступить в сложившейся ситуации? Уволится и ехать домой, а потом вернуться и попробовать снова? Вряд ли Анечка оценит такой поступок. Подумает, что бросил. Жениться тайно? И что? Забрать ее с собой? Вряд ли она сама захочет. Хотя... Но отец, его отец – он явно не одобрит, а жить-то с ним, больше нигде. Короче, куда ни кинь – всюду клин.

И Боря заклинило капитально. Ходил, как в воду опущенный, по ночам не спал, забывался. Пару раз, отвозя командира, проскочил нужный поворот. Слава богу, что еще на красный свет не проехал, а то бы точно получил по первое число, и об увольнительных пришлось бы забыть до самого дембеля.

В их следующую встречу Анечка плакала, совсем как в первый раз. Борис застал ее сидящей на той же скамейке, и все тот же платочек был у нее в руках.

– Что же делать? – воскликнула она, бросившись ему на шею. – Что же теперь делать?!

– Ничего, – ответил он спокойно и по-доброму, глядя ее по волосам и целуя в заплаканные глаза. – Давай поженимся?

Она отстранилась и посмотрела на него пытливно-недоверчиво. Он не понял этот ее взгляд:

– Или ты против?

– Нет. Нет-нет! – поспешно заверила она, и просияла. Но уже в следующий миг лицо ее вновь омрачилось: – Но как же?

– Очень просто. Об этом не волнуйся, распишемся в части. Я все устрою.

– Нет, я не об этом, – Аня, казалось, осталась равнодушна к подробностям женитьбы. – Мать меня тогда вообще из дому выгонит...

– А ты хочешь остаться?

– Что ты имеешь в виду? – посмотрела она на него большими доверчивыми глазами.

– Поедем со мной. Если хочешь, – прибавил он

– К тебе? В Орлов? Ты уверен?

Ему показалось, что в ее словах прозвучала какая-то обреченность. Оно и понятно, кому понравится лучшие годы своей жизни провести в каком-то захолустье, променяв на него Москву? Это же и ему понятно.

– Да. Но только если ты сама этого хочешь, – уточнил он. Если нет... – он не договорил.

– Конечно, хочу! Мне, Боренька, кроме тебя никто не нужен, никто-никто! – она прильнула к нему, поцеловала радостно. – Никто! – повторила, как заклинание.

Она снова была так счастлива! Мир, который еще несколько минут назад, казалось, рушился безвозвратно, теперь отстраивался вновь, краше прежнего. Этот мир воссиял чудесными красками, и не было ничего прекраснее него!

* * *

Ничто не могло омрачить тот светлый день: ни проливной дождь, ни осенняя слякоть, ни ультиматум будущей тещи. Начальник части, вникнув в ситуацию, обрисованную Борисом во всех красках, согласился расписать молодых. Пришлось, правда, соврать, что невеста в положении, а потому дело не терпит отлагательств. Впрочем, самой Анечке он об этой своей хитрости сообщать не стал, чтобы не смущать лишний раз.

Так жизнь принялась вносить свои коррективы в их планы с самого начала. Но любовь такая штука, что против нее бессильны любые ультиматумы. Бывает, что даже смерть против нее бессильна... И потому будущей теще, прежде чем бросаться такими угрозами, следовало сперва крепко подумать.

После того, как все свершилось, и они буквально сидели на чемоданах, ожидая приказа верховного главнокомандующего о демобилизации солдат срочной службы, Борис с усмешкой думал о себе как об Алексее Любославском, увозящим в леса Наталью боярскую дочь. Благородный, несправедливо опороченный, вынужденный идти на уловки ради того, чтобы воссоединиться с любимой – вылитый Борис при теперешнем его положении. Чего только не бывает в жизни? «Мы бросимся к ее ногам, но через некоторое время», – думал он точно, как Алексей, об обманутой Анечкиной матери. Но прежде того ему предстояло бросаться в ноги собственному родителю.

Он знал, что отец экспромтов не одобряет и что всякие скоропалительные решения видятся ему сугубо в черном свете. «Кто кашу заварит, тому ее и расхлебывать», – любил повторять он, наблюдая различные выходки сына, и поступки необдуманные по малолетству. Но тут – совсем другое дело, ведь жена не рукавица, как в народе говорят.

Борис понимал, что отец явно не одобрит его решения жениться без спросу, и это еще мягко сказано. Нет, душить его, как выразилась Анечка в отношении собственной матери, он конечно не станет, но может сделать так, что Боря сам повесится, со стыда. Жить-то с ним. А он сам мало того, что женился тайно, так еще и пожаловал в дом с молодой женой. Это из армии-то!

Но иначе никак. «Мы бросимся и к его ногам тоже».

* * *

Валентина Матвеевна принесла пирог и принялась собирать грязные тарелки.

– Я помогу, – с готовностью предложила Аня, желая проявить себя с лучшей стороны, и мигом стала складывать тарелки и вилки и бокалы на поднос.

В крошечной кухне было тесно, все заставлено так, что приткнуться было некуда. Аня на секунду замешкалась, стоя с подносом в дверях. Потом осторожно поставила его на табуретку возле раковины.

– Давайте, я помою? – предложила Аня.

– Не стоит, – ответила шедшая следом Валентина Матвеевна. – Я сама справлюсь, а теперь пойдемте лучше чай пить.

Мужчины вышли на балкон покурить.

– Вы к нам надолго, или... временно? – спросил Федор Константинович сурово, не зная уже, чего дальше ждать от сына. – Просвети, будь другом.

– Ну, мы вообще-то хотели пожить у вас, – ответил Борис, немного смущаясь, но держась молодцом. – Если ты не возражаешь, конечно?

– Ну что ты, зачем же – ваше право, – ответил отец, как будто смягчаясь. – Живите, сколько хотите, мы с матерью только рады.

– Правда? – удивление Бориса было столь простосердечно, что Федор Константинович едва сдержал усмешку.

– А ты чего ж думал, что я тебя из дому погоню? Не ожидал, не ожидал... – он укоризненно покачал головой. Хмыкнул, выпуская кольцами дым.

– Да нет, просто...

– Забудь. Чего теперь оправдываться. Это ваша жизнь, вам и жить. С нами или без нас.

– Ладно, как скажешь.

Борис тоже был словно не в своей тарелке. Он, если честно, не ожидал, что родители, особенно отец, воспримут так спокойно. Лучше бы уж он сразу обругал его, высказал бы все, что есть на душе, чем так. Хотя, с другой стороны, он был рад, очень рад тому, что встреча прошла так мирно. Может быть, они и вправду не сердятся?

II

Город Орлов хоть и не был маленьким уездным городишком, но на мегаполис явно не тянул. Все в нем было, но по минимуму. Улицы узкие, дома низкие, магазины древние, автобусы ржавые, люди тихие. В центре, конечно, было получше: дома повыше, с лепниной и рустами на фасадах, в них супермаркеты и новоявленные бутики, модные парикмахерские и рестораны, какие-то клубы. Но сюда долетали лишь брызги, карикатура на столичную жизнь, да и то десятилетней давности – эти смешные кооперативные вывески, «шикарный» турецкий текстиль, дизайн беспомощный, но претенциозный.

Борис водил Аню по городу, рассказывал, показывал, объяснял.

– Здесь у нас центральная площадь, – говорил он, – раньше площадь Ленина была, а потом переименовали назад, в Оладина. Это известный благотворитель тут был, еще до революции, больницу вот построил – до сих пор стоит – вон то здание желтое видишь? Где парк за оградой? Это она и есть. И весь сопутствующий инвентарь там, кажется, с тех самых времен, – он усмехнулся.

– Оладин – местный Аладдин, – пошутила Аня в ответ.

Она смотрела на все с каким-то смешанным чувством жалости и умиления. Ну что ж... Когда живешь в городе с рождения – для тебя тут все значимо, все родное, знакомое. Она же смотрела вокруг глазами чужака, и, наблюдая пейзаж, не приукрашенный налетом чудных воспоминаний детства, терялась. Все улицы казались ей на одно лицо, какие-то площади, памятники, скверы, переулки – все одинаковое. Конечно же, ей было сложно переключиться и перестать сравнивать. И хотя ей казалось, что она, в отличие от Бориса, видит город таким, какой он есть, на самом деле тоже видела только свое собственное впечатление о нем, и впечатление это было не самым радужным. «Может быть, это оттого что теперь осень, – думала Аня, – мне кажется тут все таким унылым, грустным. Вот выпадет снег, и станет лучше – как на старых рождественских открытках, где улицы в сугробах, а в домиках уютный теплый свет. Когда тихо и кажется, что вот-вот мимо проедет не машина, а лошадка, запряженная в сани».

– А здесь мы с моим другом Игорьком, помнится, взрывчатку какую-то самодельную на рельсы положили. Трамвай поехал, так оно рвануло – мы сами испугались. А вожаемая из трамвая как выскочила и давай за нами, еле убежали. Во дворах потом прятались по кустам...

– Угу, – кивала она в ответ, отстраненно глядя на улицы и дворы, ничего не говорившие ее сердцу.

Ей было ясно, что здесь не Москва и Москвой никогда не станет, и сложно было примириться с этим. Но иногда, сделав над собой усилие принимать все таким, как оно есть, ей вдруг удавалось заметить свое неповторимое лицо этого, впрочем, довольно жалкого на ее взгляд городка. И тогда еще более жалко в ее глазах смотрелось это наносное стремление к уродливо-усредненному пониманию красивой жизни, виденное в лучшем случае на картинках, которое старательно воспроизводилось здесь. И тогда ей хотелось пройтись однажды по городу с большущей тряпкой, чтобы навсегда стереть все это убожество в виде мигающих дешевых вывесок на старинных фасадах, в виде нелепого новостроя, отделанного дорого и безвкусно, в виде рекламы, наклепленной где ни попадя.

Однако, эти прогулки по городу, поселявшие бы в ней самые безрадостные чувства, если бы только Бориса не было рядом, и то вскоре закончились. Боре было необходимо срочно искать работу, и он стал целыми днями пропадать по делам. Аня же большую часть времени проводила дома.

Она сидела в одиночестве в их маленькой комнате, как в скорлупе, стараясь лишний раз не высовываться. Процесс акклиматизации проходил тяжело и с осложнениями. Всю жизнь прожив под крылом и строгим надзором своей мамочки, она совершенно не умела общаться с людьми: подруг у нее никогда не было, в летние лагеря она ни разу не ездила, в институт ходила из дома, и потому не знала, как следует себя вести, что делать, и зачастую из чужих слов и поступков делала для себя неверные выводы.

Возвращаясь домой с «промыслов», как он в шутку называл свои дела, о которых шире предпочитал не распространяться, Федор Константинович любил поговорить с Анечкой за чашкой чая. Он расспрашивал ее о жизни, упорно называя на «вы»:

– Вы, значит, из Москвы? И всю жизнь в Москве прожили?

– Да. В Сокольниках, – отвечала она покорно, но без энтузиазма, в каждом вопросе ожидая какого-то подвоха.

– В Москве я бывал, – продолжал Федор Константинович с расстановкой. – У меня, знаете, на улице Большой Пироговской дядька двоюродный жил. Так вот я к нему ездил, еще при Советской власти, когда все в Москву с периферии за продуктами шли, как ходоки к Ленину, – он засмеялся. – Вот и я так же. Бывало, сумки нагрузишь – аж ручки трещат, еле поднимаешь. До поезда дотащишь, так руки, как у орангутанга – ниже колен.

Он изобразил так живо, что Аня рассмеялась.

– Вот так, – усмехнулся он. – А что поделаешь? Детям на Новый год мандаринов, колбасы на стол, горошка этого зеленого, будь он неладен, тоже у нас не достанешь, конфеты шоколадные – все возил. А теперь вон – бери не хочу.

– Да, – вздохнула Анечка. – Конечно.

«Были б только деньги», – прибавила она мысленно. В последнее время этот вопрос стоял для нее особенно остро, потому что никаких своих доходов она, понятное дело, не имела, Боря тоже работу пока только искал, и как жить дальше с каждым днем становилось все более неясно.

– А мама у вас кто? – спрашивал Федор Константинович.

– Мама? – вновь сосредоточилась Аня на разговоре. – Мама инженером работала в НИИ, инженер-технолог, какие-то платы они там делали, для электроники. А потом НИИ развалилось, и она пошла работать приемщицей в ателье.

– А папа?

– Папы у меня нет.

– Как нет? Извините...

– Ничего. Его и не было. То есть, я всегда думала, что мой папа – это один человек, а оказалось – другой. Но это, в общем-то, не важно, потому что каждого из них я видела всего раз в жизни.

– Извините, что спросил. Вам, наверное, неприятно, что я с расспросами лезу?

– Нет, отчего же? Ведь мы с вами совсем не знакомы... – Аня осеклась, подумав, что вновь сказала что-то не то.

А вслед за тем с горечью подумала еще и о том, что совсем не так представляла себе и свою свадьбу, и семейную жизнь. А вышло, что и свадьбы толком не было, и жизни теперь никакой нет...

Аня не заметила, как погрузилась в свои мысли, ход которых больше не прерывался вопросами Федора Константиновича, который, спокойно попивая чай, внимательно следил за ней со своего места.

С каждым днем все больше воспринимая свою жизнь, как пытку, Аня отчаянно мечтала вернуться домой. Но в то же время была готова жить где угодно, лишь бы только никогда не возвращаться – в ее сердце большой занозой засела огромная обида на собственную мать, и,

вспоминая о ней, Аня всякий раз возвращалась к тому последнему разговору, после которого произошло то, что произошло.

«Если ты думаешь, что он тебя любит, ты сильно ошибаешься, – сказала мама, как только за потерпевшим полное фиаско женихом захлопнулась входная дверь. – Знаю я таких: понаехали, и всем тут же московских невест подавай с квартирами. Не дождетесь! Я тебя предупредила, так и знай. Можете жениться, сколько влезет, но я его и на порог не пущу, и уж тем более не пропишу, даже не проси. Поняла?»

Анечка рыдала, бросившись на кровать. Такого решительного отпора она не ожидала. И не то что не ожидала, но даже не могла себе предположить. «Но что же мне делать?! – прорывались сквозь слезы ее отчаянные возгласы. – Что мне делать?» «Делай, что хочешь, – Надежда Петровна твердо стояла на своем. – Но я сказала, что свадьба только через мой труп!» «Мама, зачем ты так? Ведь я его люблю! И он меня тоже, я это точно знаю. При чем здесь квартира... это же просто нелепо!» «Во-первых, знать ты ничего не можешь, а во-вторых, я тебе уже сказала и повторять не буду: я против, и точка! Разговор окончен».

Правда, Надежде Петровне со своей стороны, и в страшном сне не привиделось бы, что ее доченька – тихоня и паинька – вдруг выкинет такое. Нашла, что называется, коса на камень.

Анечка тайком сбежала, не сказав матери не то что о грядущей свадьбе, но не оставив даже и намек хотя бы о приблизительном пути своего следования, то есть – не сообщив ровным счетом ничего. Разумеется, это было необдуманно и жестоко с ее стороны, но мать-то поступила с ней ничуть не лучше!

Так ей, по крайней мере, казалось в то время. Хотя, что там говорить: до сих пор еще она считала, что поступила если и не совсем верно, то единственно возможным образом. И матери своей ни звонить, ни письма писать отнюдь не собиралась.

Да, но едва разделившись с проблемой с одной стороны, она тут же встретилась с другой: теперь ей предстояло налаживать отношения с родителями Бориса. А это ей тоже давалось не без труда: кругом ей виделся подвох, косые взгляды, осуждение и неприязнь. Запертая в чужой квартире наедине с незнакомыми людьми, Анечка страдала и мечтала все время пожаловаться Боре, чтобы он утешил ее, успокоил и нашел бы наконец какой-нибудь выход. Но на проверку жаловаться было как будто бы не на что.

Федор Константинович общался с ней охотно, не проявляя никаких видимых признаков неудовольствия от ее неожиданного появления в их семье, и, если не считать его подчеркнутого «вы», держался с ней совсем по-дружески. Валентина Матвеевна обращалась к ней на «ты», но в свою очередь с Аней почти не разговаривала. Она тоже вроде бы не возражала против новоявленной без родительского благословения снохи, была внимательна и добра, но заботливость ее граничила с отчужденностью. Так казалось Ане.

«Да, так обычно поступают воспитанные люди, – думала она. – Никогда не знаешь, что у них на сердце, если они понимают, что тебе этого знать ни к чему».

* * *

Борис целыми днями пропадал по делам. «Не хорошо в двадцать лет сидеть на шее у родителей, – думал он, – да еще с молодой женой в придачу». И он активно искал работу, которая смогла бы обеспечить их двоих хотя бы необходимым, но в достаточном количестве. Понятно, что без образования рассчитывать было особо не на что, но в данной ситуации он был готов на все, хоть грузчиком на овощебазу, лишь бы платили.

Но каждый вечер Боря возвращался ни с чем. Он не отчаивался, был весь в надеждах и обещаниях, и верил, что не сегодня-завтра фортуна улыбнется ему. И он, как мог, поторап-

ливал ее, раскручивая счастливое колесо, чтобы как можно скорее утвердиться в глазах отца не мальчиком, но мужем. В том, что отец с матерью не одобряют этот его, мягко говоря, недуманный поступок, у него не было сомнений. Единственное, что удивляло, что они ни словом не обмолвились о том с тех пор. И потому ситуация осложнялась своей невысказанностью, недоговоренностью.

Однако, Боря не отчаивался и здесь: в конце концов он давно не ребенок, и сам в праве распоряжаться собственной жизнью, и потому не должен чувствовать себя провинившимся карапузом, стащившим пряник из буфета. Если кто-то чем-то недоволен, пусть скажет, а на нет и суда нет. Ведь в том, что все так вышло, никто в конечном счете не виноват. Как будто он всю жизнь Анина мама... но ее тоже можно понять: для нее он никто, парень из провинции. И то, что город Орлов – не самый захудалый на карте нашей всё еще необъятной Родины, для нее, возможно, не аргумент. Она могла вообще не знать о существовании такового, и имела на то полное право: потому что сама она жила в столице, и этим все сказано; потому что существует Москва – и все остальное. Да, городов разных великое множество, а Москва одна!

Вот и доказывай потом, что ты не верблюд.

Где-то глубоко в душе Борис был оскорблен таким отношением к себе, но в то же время готов забыть обиду ради восстановления добрых отношений с тещей, так грубо отрекшейся от своего будущего зятя, а вместе с ним – так уж вышло – и от собственной дочери. Никакой особенной вины он за собой не чувствовал, и надеялся, что с течением времени Надежда Петровна все-таки сменит гнев на милость, когда увидит, например, что Аня действительно счастлива с ним. И для этого он сделает все, что только в его силах, и даже больше того.

* * *

Однажды промозглым ноябрьским вечером, когда Борис шел с одного собеседования, сулившего ему отличную работу и стабильную зарплату, на другое не менее многообещающее, вдруг кто-то окликнул его:

– Боря! Борис! Постой!

Он оглянулся. Через дорогу спешил к нему чернобровый, не ладно скроенный, но крепко сшитый парень в кепке, в куртке-аляске, в джинсах по моде, в дорогих ботинках и с барсеткой в руке – его старый школьный товарищ, тот самый Игорек, с которым он подкладывал под трамвай взрывчатку и совершил еще множество подобных подвигов. по фамилии Карлов.

– Гарик! Карлуша! Вот так встреча! – воскликнул Борис, искренне обрадованный тем, что случай вновь свел их вместе.

– Ты как здесь? Уже вернулся? – Игорь схватил друга за плечи. – Поздоровел! А все-таки ты свин – даже не позвонил. Давно здесь?

– Да нет... – Борис замялся.

– Спешешь?

– Ну, в общем, да, – Боря взглянул на часы.

– Далеко?

– Да вот, на работу устраиваюсь. В общем...

– Слушай! – озарилось вдруг лицо Игорька, будто его, как электрическую лампочку, включили в розетку. – Есть идея! Надо обсудить. Пойдем, я место знаю – тут недалеко.

Борис колебался.

– Да брось ты, если что – завтра сходишь. Какие проблемы? А у меня к тебе дело. На миллион. Пойдем, – он подтолкнул друга плечом.

– Ладно, – Борис сдался. – Верю тебе на слово. – Он радостно обнял друга за плечи. – Куда идем?

– Фи-и-у! – присвистнул Игорь, заметив на пальце у Бориса золотое кольцо. – Вот так дела! – произнес он удивленно-укоризненно. – И ты молчал?!

– Да это... – Боря сразу понял, о чем речь, – в общем, длинная история.

– А разве мы куда-то торопимся? – парировал Игорек. – И учти, что ты теперь от меня не уйдешь, пока все расскажешь, – заявил он безапелляционно и повлек друга за собой в тихое местечко, где к пиву подавали кальмаров в кляре и жареные куриные крылышки.

* * *

Аня тем временем впервые осталась дома за хозяйку. Валентина Матвеевна с утра ушла провести какую-то родственницу, так что на ее хрупкие плечи легла забота о том, чтобы возвратившийся с «промыслов» Федор Константинович не остался голодным. И потому, едва заслышав звук поворачиваемого в замке ключа, Аня бросилась в кухню заваривать чай и подогреть заранее приготовленные Валентиной Матвеевной пончики.

– Как у нас дела? – спросил Федор Константинович с порога. – Как сажа бела?

Аня улыбнулась, показавшись из кухни.

– Здравствуйте, Федор Константинович.

Федор Константинович любил пошутить и часто говорил поговорками. Анечка поговорок не знала, а потому больше ответить ей было нечем.

– Ну что, чай станем пить с кренделями? – говорил Федор Константинович, потирая озябшие руки. – И вы, Анечка, со мной откушайте, составьте компанию.

Это «вы» всякий раз ставило ее на место. Она привыкла, что так говорят только чужим людям. Но Федор Константинович, казалось, вовсе не хотел ее обижать. Просто он уважал себя и других.

– Я, пожалуй, только чаю, – согласилась Аня и принялась торопливо отыскивать в шкафчиках, содержимое которых никак не давалось ей на память, чашки, блюда, ложки, салфетки, сахар и прочее необходимое к трапезе.

– Фигуру бережете? – понимающе кивнул он. – Это хорошо, когда есть чего беречь. Только вы не волнуйтесь, – успокоил Федор Константинович, – домашняя выпечка никак на фигуре не отражается, давно замечено: всю жизнь едим, и ничего, как видите.

Федор Константинович в самом деле был строен и подтянут, и для своих шестидесяти семи лет выглядел вполне отлично.

Анечка хоть ему и не поверила, но пончик взяла.

– Так на чем мы в прошлый раз остановились? – спросил Федор Константинович, отпивая кипяток. – Помнится, я рассказывал вам, как в Москву ходил за добычей?

Он усмехнулся в усы. Аня кивнула.

– Там на Большой Пироговской, кстати, кладбище недалеко, знаете?

– Да, Новодевичье.

– Именно. Так вот я на этом кладбище частенько бывал, – он задумался, а потом сказал: – Это странное русское свойство – так и тянет к могилам, вы не находите?

Аня не знала, что ответить.

– Но, я думала, что... кладбища это... там ведь одни знаменитости похоронены, и потом... – Аня окончательно смешалась.

– Ладно, чего это я, в самом деле, леший одолел, – выручил ее Федор Константинович, и сменил тему: – Вы, помнится, говорили, что институт окончили, а какой, если не секрет?

– Я как мама, химико-технологический, только она на химфаке училась, а я на экономическом, там недавно новый факультет открыли.

– Ага, понимаю. Коммерческий, наверное? Вполне логично, что еще более имеет отношение к коммерции, как не экономика, верно?

– Ну... там не все места платные, я вот, например, училась на бесплатном. Но это мне повезло, потому что я школу с медалью окончила, а так вообще сложно было бы поступить. Это теперь престижно: экономический, юридический, языки...

– Так-так, – протянул Федор Константинович, явно что-то соображая, – вас это интересует? Действительно?

– Что именно? – не вполне поняла Аня вопрос.

– Экономическая теория, – пояснил свою мысль Федор Константинович, – финансы, учет, что там еще?

– Да, в каком-то смысле это интересно, – охотно откликнулась Аня, – но... если честно, скучновато, – честно призналась она.

– А что вас еще интересует?

– Ну, не знаю... – она задумалась, – может быть, психология? – ответила она, как на экзамене, ища в глазах экзаменатора подтверждение того, что догадка верна. И, заметив нечто подобное, продолжила уже увереннее: – Знаете, я читала книги, Чезаре Ломброзо, например, и еще американских психологов, там где всякие тесты, так интересно! Хотелось бы узнать побольше. Кажется, это тоже теперь модно. А вообще я хотела стать учительницей, преподавать.

– Что преподавать? – Федор Константинович заинтересовался.

– Литературу, наверное. Или музыку.

– О, вы владеете инструментом?

– Да, окончила школу по классу фортепиано.

– Надо же! Значит, вы музыку любите?

– Да, – ответила Аня, впрочем, без особого энтузиазма.

– А литературу любите – русскую? – Федор Константинович сделал сразу ударение на слове «русскую», потому что вопрос самой любви к литературе даже не ставился в свете высказанного желания ее преподавать.

Аня заколебалась, определив вопрос как наводящий, но все-таки ответила честно:

– Нет, наверное, больше иностранную.

– И кто ваш, с позволения сказать, кумир?

– Не знаю, так сразу не скажешь. Я очень Диккенса люблю, и Хемингуэя. Ремарка тоже. А еще Мураками и Германа Гессе.

– А Тургенева вы не любите? – улыбнулся Федор Константинович. – «Ася», мне кажется, это немного о вас?

Ася, она же Анна Николаевна – был ли это просто намек на совпадение имен, или же Федор Константинович имел в виду нечто большее?

Аня об этом не задумалась, потому что Тургенева не любила, а «Асю» не читала вовсе. Стало быть, судить о ней это или не о ней не могла. Зато она тотчас подумала о другом: «Странно, Боря вроде бы говорил, что его отец всю жизнь на заводе проработал? Кем это он там, интересно, работал? И что это за завод такой?»

Не без участия мамы в ее понимании сложился весьма четкий образ рабочего как человека грубого, бескультурного, пьющего, ругающегося матом и представляющего реальную угрозу для нормальных людей. И потому к детям из рабочих семей Ане запрещалось приближаться и на пушечный выстрел.

* * *

В кафе, едва сделав заказ, Игорек принял с места в карьер:

– Значит так, старик, давай сразу к делу, чтобы ты не думал, будто я тебя просто так сюда затащил, посплетничать, – он подмигнул Борису, который держался как-то скованно, «не по-свойски», как определил это для себя Игорек. – Слушай, у меня к тебе предложение, сугубо деловое, вот какое: я так понял, тебе работа нужна?

– Да, – подтвердил Борис.

– Вот, а мне как раз человек нужен, надежный. Пока ты там в казарме полы драил, я тут бизнес небольшой наладил. Один теперь не справляюсь. Интересует?

– Что за бизнес? – серьезно спросил Боря, а сам тем временем подумал о том, когда это Карлуша успел так раскрутиться, и каким это образом. То, что отец его от армии отмазал, это он понял, когда Игорек вместо того, чтобы ехать с ним вместе поступать в летное училище, внезапно ни слова не говоря оказался вдруг студентом совсем другого учебного заведения, разумеется, платного отделения. Какой точно институт, Боря не помнил, и по всему выходило, что не помнил о том даже сам Карлуша.

– Лампы продаю, светильники то есть, – оживленно рассказывал Игорек про свой «бизнес». В Москве со склада беру, здесь собираю и по магазинам распахиваю, на реализацию. Навар неплохой, и спрос пока значительно превышает предложение. Ну, что скажешь? Дело верное, гарантирую.

– От меня что требуется?

– Давай так: я буду возить, ты собирать, идет? Зарплата от прибыли. В процентном соотношении, – прибавил Игорек быстро, стараясь как можно скорее миновать неприятный момент. – Ты как?

– Нужно подумать, – ответил Боря серьезно, хотя уже теперь знал почти наверняка, что согласится. Был только один момент...

– Давай, как скажешь. А хочешь, завтра приходи, сам все посмотришь, тогда и решим. Телефон запиши.

– Давай, – Боря достал блокнот.

– У тебя чего, мобилы нет? – удивился Игорек.

– Нет, пока не обзавелся.

Игорь засмеялся и подковырнул, по-дружески:

– Ага, а женой успел обзавестись?

Боря внимательно посмотрел на друга, почувствовав некий укор в его словах, но в улыбающемся лице его ничего такого не обнаружил.

– Намек на то, что на свадьбу не пригласил? – все-таки не удержался он.

– Да нет, – Игорек пожал плечами. – Просто, как-то это... до сих пор в толк не возьму.

– Ладно, расслабься. Никакой свадьбы у нас не было.

– Как это? – искренне подивился Игорек. – А кольцо тогда откуда?

– Так, расписались по-быстрому, и всё.

– Хм, очень уж по-быстрому видать, когда успел-то?

– Да, – Боря криво усмехнулся, с намеком на то, что дурное дело нехитрое, – в части еще.

– Это – в армии что ли?!

– Ну, так точно.

– А чего? – Игорек заподозрил, что причина тут в том, что невеста, как бы это сказать, не могла больше ждать, и дальше спрашивать не решился. Но вопрос читался в его в глазах.

– Вовсе не то, что ты думаешь, – тотчас развеял Боря его догадки. – Там другие проблемы были, маман – та еще штучка, в петлю лезла, меня и на порог не пустила. Короче, ад.

– А там, это где, прости?

– В Москве.

– Ну, тогда все ясно! – оживился Игорек. – Еще бы! А ты уж думал, что прописка у тебя в кармане? И квартира в центре в придачу, так что ли? – он рассмеялся, пихнув друга в плечо, в знак того, что это всего лишь шутка. Но Боря неожиданно обозлился:

– И ты туда же?

– Извини, друг. Шучу, – Игорек поднял руки. – Шучу.

– Без шуток. Я ее люблю, понял?

– Понял я, понял. А Светка как же?

– А чего Светка?

– Ну, вы с ней вроде... тоже собирались того... жениться, то есть. Или я не прав?

– Честно сказать, я думал, она давно уж замужем.

– Неправильно, значит, думал.

– Тем не менее.

– Я понял. У тебя, короче, все наоборот. Обычно это девчонки парней из армии не дожидаются, а тут ты женатый вернулся. Смешно, – Игорек расплылся в улыбке. – Честно сказать, от тебя я, брат, такого не ожидал. С женой-то хоть познакомишь?

– Приходи, – спокойно ответил Боря, пропустив все предыдущие замечания мимо ушей. Точнее сказать, сильно постарался это сделать.

– Отлично, тогда подарок за мной.

III

На Новый год из пригорода приехала старшая сестра Бориса с мужем.

Они вошли с мороза, раскрасневшиеся, обсыпанные снегом, обвешанные кулками с подарками.

– Ну, где тут наши молодожены? – воскликнула сестра Катерина с порога. – Идите, давайте я вас обниму! Как живете-можете? Рассказывайте... – в потоке ее чувствоизъявлений тонуло все остальное.

– Ты хоть шубу-то сними, – усмехнулся, глядя на нее Володя, ее муж. – Успеешь еще расцеловаться. Они теперь от тебя никуда не денутся.

– Верно, – смеялся Борис, обнимая сестру, – от нее не уйдешь! Пока до смерти не задушит, не отпустит!

– Ой, как я соскучилась! Ой, Борька, встретила б тебя на улице, не узнала б, точно говорю. Такой ты стал!

Катерина, чернобровая и черноглазая, с белым гладким лицом и алым пухлым ртом, смеялась, обнажая ровные жемчужные зубки. Смех ее, такой заразительный, невольно передавался всем вокруг, так что просто невозможно было сохранять серьезность и не смеяться вместе с ней.

Анечка, нарядная, в новом темно-синем бархатном платье стояла на пороге комнаты и молча ждала, когда и на нее обратят внимание гости-ураганы. Борис, высвободившись, наконец, из крепких объятий сестры, обнял свою Аню:

– Вот, знакомьтесь: моя жена Анечка, – сказал не без гордости, улыбаясь и целуя ее в висок.

– Анечка! Как мы рады! – воскликнула Катерина, как будто сто лет мечтала ее увидеть. – Наконец-то! Мы столько о вас слышали! – не унималась Катерина, так и стоя в шубе в прихожей.

Ей нужно было все и сразу, без промедлений. Она желала тотчас узнать все новости, тотчас же поведать свои, обнять всех, расцеловать, восхититься, одарить и прочее и прочее, так что просто не оставалось времени на то, чтобы раздеться и пройти в гостиную, где их уже давно ждали.

– Вовка, как ты с ней справляешься? – смеялся Борис. – Это же смерч! Ее бы энергию, да в мирных целях!

Владимир, мужчина тридцати пяти лет, слегка полноватый, спокойный и доброжелательный с несколько ограниченной мимикой лица – скорее всего вследствие того же спокойствия – одетый скромно и неброско даже в Новый год, посмотрел на жену с добродушной улыбкой, и лицо его выражало ту мысль, что разве ж с Катериной справишься – да и нужно ли это?

– А что? У меня намерения самые добрые! Вов, где там наши подарки? Давай сюда!

Борис смотрел на сестру и удивлялся: она была старше почти на девять лет, а с виду ни за что не скажешь – та же юла-хохотушка, как в детстве. Сам-то он уж и вырос, и возмужал, а она все такая же, сколько он себя помнил. Только раздалась малость, но это ее нисколько не портило, даже напротив.

В самом себе же он видел перемены самые значительные: армия и женитьба наложили свой отпечаток, так что это не осталось не замеченным и окружающими. А сестра – ей все нипочем. И никакие жизненные трудности как будто для нее не существовали, и все б ей только порхать, как той стрекозе, да песни распевать. Как у нее так получается? Борис недоумевал.

Сам он, казалось, погряз в какой-то трясине неопределенности, неустроенности и недоговоренности. И хотя с виду все смотрелось как нельзя лучше: в армии отслужил, женой кра-

савицей-умницей обзавелся, не сегодня-завтра на работу выйдет, все счастливы, все довольны, живут душа в душу – чего еще желать?

Всё так, да не так. Сестра с подарками, а ему подарить в ответ нечего – не заработал еще, отец молчит, но думу свою думает, мама тоже виду не подает, на отца смотрит, но только все равно видно, что не свыклась еще, не приняла сноху, и Аня по углам прячется, обижается, что как будто бросил ее одну с родителями, в комнате запрется и сидит, как под арестом. А что тут сделаешь? Ну, не разорваться же? Зима на дворе – ей ходить не в чем...

– Боря! Слышишь – нет? К тебе обращаюсь!

– Да, что такое? – он восторженно.

– Я уже десятый раз спрашиваю, как вы тут обоживались?

– Да ты шубу-тоними, тогда и поговорим, – ответил он и ушел в комнату.

Праздничная кутерьма захватила всех в доме: бегали, сустились, помогали Валентине Матвеевне накрывать на стол, мешая друг другу. Говорили все и сразу, так что мыслей своих не заканчивали, вопросы оставались без ответов, а ответы – без слушателей. У каждого было множество новостей и впечатлений, которыми спешили поделиться, но сквозь Катеринин фонтан эмоций прорваться никому не удавалось. Она была повсюду и сразу, во все вникала, всем советовала, помогала, одновременно резала двумя ножами и хлеб и колбасу, третьей рукой размешивала салат и из-за стены распорядилась, как следует лучше расставить блюда на праздничном столе.

Так что утихомирить ее смогло только Новогоднее обращение президента к своим гражданам.

– Катерина, слышь, к тебе сам президент обращается! – намекнул ей Вова, что пора бы и помолчать, хоть немного.

– Иду, иду, только мне еще нужно было, чтобы кто-нибудь ведро вынес, а то...

– Да помолчи ты уже, – махнул он на нее рукой, а она только рассмеялась в ответ.

Ну, что с нее возьмешь.

Семейство расселось на диване перед телевизором и за накрытым столом, внимая словам главы государства скорее по традиции, чем из каких-то иных соображений.

Анечка тихо отправилась выносить мусорное ведро. Смутно было у нее на душе, смутно и как-то безрадостно. Праздничный ажиотаж подменял собой то детское ощущение праздника, когда радостно неизвестно от чего, и легко на душе, и весело, и хочется смеяться без причины, и бегать, и восклицать, и удивляться. Анечка вспоминала свои новогодние праздники, где у них с мамой были свои особые порядки и традиции, как выбирали друг другу в магазине наряды на вечер – пусть не шикарные, но обязательно новые, как клали подарки под елку, как зажигали свечи, как желали друг другу того, что могут пожелать только самые близкие люди, которые знают тебя всю жизнь, и это потом непременно сбывалось, как гуляли в заснеженном парке, размахивая бенгальскими огнями или шли навестить какую-нибудь мамину подругу. И все это было спокойно, и тихо, и без суеты. Настоящий домашний праздник, с мандаринами и конфетами из коробки в виде деда мороза или кремлевской башни с курантами, с запахом елки и снега...

Аня вышла на улицу в одном платье и в туфельках. Свежий снег ложился на расчищенные тротуары, обновляя старое, уходящее, словно перелистывая исписанный тетрадный листок, чтобы на другой, чистой стороне написать совершенно новую историю или сказку. Сказку о том, как одна принцесса повстречала однажды своего принца, и стали они жить долго и счастливо и только вдвоем в высоком тереме с окнами на восток...

– Анечка! Дорогая моя! Ну, где же ты ходишь? Мы тебя совсем потеряли! – воскликнул Борис, едва она вновь появилась на пороге.

Она улыбнулась:

– Да я вот – ведро выносила.

– Ну, какое ведро! Куранты бьют!

– Скорее, скорее, шампанское!

– Ура! Ура! С Новым годом!

Выпили шампанского, закусили и разговор потек в более размеренном русле. Теперь пришло время поделиться новостями и узнать, как живут другие.

– Давай, Борька, рассказывай, где такую красавицу отхватил? – первым делом набросилась на Бориса сестра.

– Ладно, успеется, – отговаривался он, – вы-то сами как? Я ж не знаю ничего, два года кроме казармы ничего не видал.

– Ой, да ладно, – лукаво взмахнула рукой сестра, рассмеялась. – Не видел он, – сказала и посмотрела на Анечку, подмигнула. – А мы что, мы в деревне живем, в этой глухомани, как в ссылке. Скажи, Вов?

– Да я не знаю... Мне вообще там нравится.

– Хозяйством не обзавелись еще? – спросил отец то ли в шутку, то ли всерьез.

– Каким-таким? – не поняла Катерина. – Коровами что ли?

– Ну, зачем коровами. А пару курочек-то можно было завести, да пару кроликов, огородик, – сказала Валентина Матвеевна. Она скучала без земли, на которой выросла.

– Мам, скажешь тоже, еще скажи Ноев ковчег соорудить. А ухаживать кому? На работу каждый день таскаемся за тридевять земель, не до жиру – быть бы живу.

– Все равно подспорье. В своем доме жить и укроп на базаре покупать?

– Я, если честно, сплю и вижу, когда этот наш дом снесут, наконец. Папочка нам удружил, сослал на Колыму, целину поднимать, – засмеялась Катерина. – А, папочка?

– Ничего, пару лет прожили и еще проживете, зато квартиру дадут отдельную, можно и потерпеть.

– Ничего себе пару лет! У кого год за два, а у тебя все наоборот – пятый год уже пошел, то есть – прошел! – Катерина сама рассмеялась, как пошутила. – Давайте выпьем за счастливый Новый год! И чтобы у всех сбылись их мечты!

Борис подумал, что это было бы очень кстати, чтобы их мечты сбылись. А мечтал он о том, чтобы выйти, наконец, на работу, заработать много денег и снять им с Анечкой отдельную квартиру. У сестры вон дом – отец на свадьбу подарил – пусть в пригороде, но свой, отдельный. Сам себе хозяин, живи – не хочу, а тут...

И Катерина еще чем-то недовольна, пусть и в шутку, но в каждой шутке есть, как говорится, доля правды. Отец им и деньгами помогает... А к Аньке только со своими разговорами дурацкими лезет, все как будто чего-то допытывается, прямо ужас на нее наводит. Зачем? Она, конечно, может, и преувеличивает, но легче от этого не становится... Да, я сам дурак – кашу заварил. И отец обижен, крепко за то обижен, что не спросясь жену в дом привел. В его дом, где он Хозяин. Без его ведома тут даже рыбка в аквариуме не появлялась... Оттого Аня ему так не нравится – сам не дал добро, а по принуждению он не привык, и не станет. Так что в любом случае, нам тут не жить. Но что же делать?

Борис старался не отчаиваться: «Ничего, – думал он, – главное на работу выйти, а там посмотрим».

* * *

После праздников Борис, как и ожидал, вышел на работу в «развивающееся предприятие» Гарика Карлуши, как тот сам называл свой полутеневой бизнес. Борис работал у него наемным на зарплате, и в том были как свои плюсы, которых было немало, но так же и свои минусы. Плюсы заключались в том, что он получил наконец возможность содержать себя и свою жену, и чувствовать себя перед отцом независимо и свободно, а минус – в том, что работать приходилось с утра до вечера – это раз, и самый главный, но незримый минус в том, что теперь там Борис оказался в положении зависимом и несвободном – это два.

«Это два» угнетало его в первую очередь потому, что его, так сказать, начальником стал его одноклассник, и это было бы еще полбеды. Но с Карлушей отношения у них были особенные. В школе были они не разлей вода, и составляли собой единство, сравнимое с единством слоговым. И как в алфавите есть буквы гласные и есть согласные, так же и Борик с Карлушей были этими буквами, только Борик – гласным, а Карлуша – на все согласным. Конечно, это не было дружбой, так сказать, в одни ворота, но напротив, они составляли отличный тандем, способный на подвиги просто невероятные. Они даже в летное училище поступать собирались вместе, но в самый решающий момент Карлуша отчего-то передумал – теперь понятно, отчего – его отец тогда уже устроил по благу в какой-то институт, чтобы в армию паренька не загребли. Борю же никто никуда пристраивать не собирался. И пока он, по Карлушиному выражению, полы в казарме драил, сам Карлуша, опять-таки не без помощи отца, уже успел наладить небольшой бизнес.

И вот теперь им предстояло поменяться ролями, что Борис внутри себя переживал достаточно тяжело. Правда, и сам Карлуша поначалу в роли главенствующего звена чувствовал себя не слишком уверенно и уютно, но быстро освоился, заметив, что Борис свои позиции сдал окончательно, и больше на роль центр-форварда не претендует, по крайней мере, теперь.

Борис же утешался тем, что в подобном положении оказался не оттого, что сам совершил промах, но просто потому, что кому-то отцы помогают, а кому-то – нет.

При всем при том от Карлуши поступило весьма заманчивое предложение выкупить свою долю и дальше работать на равных, как компаньоны – развивающееся предприятие постоянно нуждалось в деньгах. И Борис решил для себя во что бы то ни стало выкупить ту часть, которую ему выкупить предлагалось. Но на этом пути его так же поджидали очередные сложности, потому что предстояло выбрать что-то одно: то ли выкупать часть бизнеса, выплачивая из зарплаты, которая была довольно большой по Орловским меркам, но все-таки не резиновой, то ли снимать квартиру и налаживать семейную жизнь. И между двумя этими решениями он разрывался, как Эзопов осел, отчего вскоре стал дерганым, нервным и раздражительным.

Анечка тоже стала нервной и раздражительной, оттого, что сидела в своей комнате, как в скорлупе, оттого, что постоянно общалась с родителями Бориса, с которыми общаться не умела и в общем-то не хотела по той причине, что замечала, что и они ее не слишком жаловали, или так ей, по крайней мере казалось. Прожив всю жизнь с матерью, которая все за нее делала и все за нее решала, никуда от себя не отпускала и зорко следила за тем, с кем дочка дружит и с кем общается, Анечка так и не научилась налаживать отношения с людьми, в целом и опять-таки не без помощи матери уверенная в том, что мало кто достоин ее внимания и дружбы.

Оттого подруг и друзей у нее, можно сказать, совсем не было, не считая приятелей по школе, а потом по институту, с которыми она время от времени встречалась на каких-то праздниках и вечеринках. Остальное время Анечка проводила дома вместе с матерью, отношения с которой, впрочем, складывались не так гладко, как могло показаться сначала.

Характер у Надежды Петровны был, что называется, взрывной. Она была как пороховая бочка, к которой неизвестно откуда подходил фитиль и неизвестно отчего воспламенялся.

Она не терпела, чтобы ей перечили, и уж тем более делали что-то, что ей было не по нраву. Не допускала того, чтобы ее не ставили в известность пусть даже в вещах совершенно незначительных, и требовала от дочери полной отчетности во всем.

Анечка привыкла быть послушной и покладистой, во всем слушалась маму, и даже челку в парикмахерской ей делали ровно той длины, как требовала мать. За что вознаграждалась нежнейшим и внимательным отношением к себе, дружеским участием в ее проблемах и откровенностью, с какой мать делилась с ней проблемами собственными. Анечка любила свою маму, боялась ее огорчать и считала образцом и эталоном во всем.

Но как только дети начинают взрослеть, а их родители не желают делать того же вместе с ними, бывает, что подобная слепая детская любовь вдруг обращается в такую же точно слепую ненависть, стоит только однажды им попытаться настоять на своем. Как только сталкиваются двое твердолобых, неминуемо проигрывают оба.

И кто бы мог ожидать от Анечки – тихой и домашней девочки – что она решится сбежать из родного дома с первым встречным, променяв Москву на глухую провинцию? Что она отважится наперекор матери и презрев ее категорическое нет, выйти замуж за этого выскочку, который младше нее на два года, без образования, без положения и без перспектив? Что она, не зная брода, бросится в омут житейских трудностей и забот, отвергнув устроенность и определенность и, кстати сказать, жениха, которого давно присмотрела ей мать.

Правда, о том женихе Анечка ничего не знала, и так и не узнала, потому что кроме Бориса, появившегося в ее жизни вдруг, совершенно случайно и, как она искренне верила, навсегда, ей больше никто не был нужен. Она влюбилась, как сумасшедшая, впервые и всерьез, страстно и смертельно-безудержно. И если бы кто-то попытался бы их разлучить, Анечка скорее убила бы того человека, чем согласилась бы расстаться с Борисом.

Но теперь жизнь складывалась так, что целыми днями они были разлучены, а убить за то было некого. Анечка страдала, печально глядя из окна своей комнаты на заснеженный двор, на черные голые деревья под окном, на ворон, с карканьем взлетающих с помойки, на безрадостные серые фасады соседних пятиэтажек и белье, мерзнувшее на балконных веревках. Все чаще она вспоминала Москву, со щемящей грустью и надеждой, то проблескивавшей, но чаще – угасающей, что когда-нибудь она все же вернется туда. Она скучала по маме, но в то же время не могла ей простить, что та выгнала ее из дома, даже не попытавшись разрешить сложившуюся ситуацию как-нибудь иначе.

Правда, она забывала о том, что сама сбежала из дома, даже не попытавшись разрешить сложившуюся ситуацию как-нибудь иначе.

* * *

Именно за такими мыслями застал Аню Федор Константинович, вернувшись однажды со своих промыслов. Он пригласил Анечку выпить с ним чаю, потому что Валентина Матвеевна пошла навестить подругу, а Федор Константинович кушать в одиночестве не любил. Аня это знала, и потому отказываться не стала.

Она накрывала на стол, все еще немного стесняясь: у них дома всем хозяйством заведовала мама, и оттого Анечке было непривычно самой. Подавать, убирать – столько всего, а она никак не может запомнить, где что лежит. Ей было неприятно представлять себя со стороны, и никак не получалось чувствовать себя естественно, может быть оттого, что она не знала, кем ей тут быть – то ли гостьей, то ли хозяйкой.

И еще оттого, что Федор Константинович упорствовал в своем подчеркнутом «вы»:

– Вы, помнится, говорили, что факультет экономический окончили, верно?

– Да, – подтвердила Аня.

– Так вот, у меня к вам предложение имеется.

– Какое предложение?

– Не хотите поработать по специальности?

– А что делать? И где? – Аня растерялась.

– Я вам сейчас все объясню, а вы не спешите, обдумайте на досуге, потому как вы вовсе не обязаны соглашаться. Так вот, дело в том, что одному моему хорошему знакомому требуется на работу бухгалтер или что-то в этом роде, по вашей части. Он у меня спросил, нет ли кого знакомого, потому как в наше время... ну, вы меня понимаете? – он взглянул на Аню, поведя бровями и ожидая найти в ее лице понимание тех тонких вопросов, о которых толковал, – и я, значит, сразу подумал о вас. Или я не прав?

Анечка совсем смешалась. Предложение было слишком неожиданным и странным – уже тем, что исходило от Федора Константиновича. И она думала в тот момент не о самой работе, о которой вообще-то мечтала давно, но о том, что стоит за этим предложением, с виду совершенно обычном. Он решил помочь ей устроиться на работу? С чего бы это? И отговорка про приятеля – всего лишь отговорка. Но отчего же тогда он не помог Борису? Из принципа? Или просто не мог? Или он хочет ее проверить? И там у него везде свои люди? И куда он вообще ходит каждый день? Чем занимается?

Все эти вопросы проносились у Ани в голове, как молнии. Она старалась тщательно скрывать все свои сомнения от свекра, но Федор Константинович, как человек весьма проницательный, без труда читал все это в ее лице, как в книге.

Анечка пугливо размешивала в чашке сахар, и положила вместо обычных двух ложек четыре. Она перекладывала салфетки, надкусывала печенье и, позабыв возле чашки, брала следующее. И чем больше старалась она выглядеть спокойно, говорить серьезно и рассудительно и действовать обдуманно, тем больше суетилась, говорила невпопад и вообще чувствовала себя совершенно потерянной. Она краснела.

Федор Константинович не спешил перевести разговор на другую – нейтральную – тему и продолжал что-то рассказывать в подробностях, подспудно требуя от Ани внимания, сосредоточенности на данном вопросе и ответной реакции. Она же все больше терялась и думала совсем не о том.

Цепким взглядом, вопросами не в бровь, а в глаз Федор Константинович, казалось, загонял Аню в ловушку, из которой та напрасно пыталась вывернуться. Ни его улыбка доброго дедушки с лучиками морщинок вокруг глаз, ни добрый спокойный тон и вкрадчивый голос не могли переменить в Анечке этого ощущения, а только еще больше усиливали его. Она в конце измучилась и была уже готова бежать в контору хоть теперь, лишь бы только прекратить весь этот кошмар.

Хотя, в сущности, ничего ужасного не происходило: просто Федор Константинович со свойственной ему педантичностью, углубляясь в вопросы специальные и желая узнать мнение собеседницы по тому или иному поводу, сам проявлял знания гораздо более обширные, чем те, какими обладала дипломированная специалистка в области экономики и менеджмента Анна Николаевна Лунгина, в девичестве Лаврова.

– Я согласна, – поспешила она дать ответ, лишь бы только прекратить этот допрос, не делавший ей чести. – Когда нужно?

Она решила взять другим:

– Знаете, я так рада, что вы мне предложили поработать, – сказала она, счастливо улыбаясь. – Признаюсь, я давно об этом мечтала, но... – она попробовала оправдаться, – я совсем не знаю города, и никого здесь не знаю, так что даже не могла себе представить, куда и к кому обратиться. В наше время так сложно найти работу...

– Ну что вы, такие специалисты, как вы, всегда в цене, и всегда найдут себе достойное применение, – Федор Константинович произнес это искренне и ободряюще, – так что ваша мама не ошибалась, выбирая для вас эту профессию.

Он помолчал, подливая себе чаю, а потом ответил на вопрос, так и оставшийся без ответа:

– А приступать можете хоть завтра. Если хотите, я вас отведу. Но прежде вы еще подумайте – скажем, до вечера – и тогда уж дадите мне окончательный ответ. Повторяю, вы не обязаны соглашаться, и мне не хочется, чтоб вы думали, что это, так сказать, приказ, который не обсуждается. Напротив, если у вас есть вопросы или встречные предложения, давайте это обсудим.

– Хорошо, – ответила Анечка, – я подумаю. Вот прямо сейчас пойду и подумаю, вы не против?

– Нет, ну что вы, – Федор Константинович улыбнулся в усы. – Конечно.

IV

Свой вклад в объединение семьи Валентина Матвеевна решила внести тем, что практиковала общие семейные застолья. И требовала от всех такого же серьезного отношения к нововведенной традиции, какое испытывала сама. И выражалось это в том, что к ужину, назначенному ежедневно на девять, всякий должен был прибыть, не опаздывая, а субботнее-воскресные обеды накрывались непременно за большим столом с использованием фарфорового сервиза. Нужно сказать, что в вопросах, касающихся питания, Валентина Матвеевна была весьма ответственной. Она считала, что едва ли в жизни человека может быть что-нибудь важнее вкусной и здоровой пищи, а потому готовила самозабвенно, проникнув во все тонкости этого сложного и многообразного ремесла. Кухня – ее святая святых – не терпела суеты и беспорядка, а так же вторжения непосвященных лиц. А так как посвящать в свое дело Валентина Матвеевна никого не спешила, то выходило, что Анечке туда путь был заказан.

Станным образом выходило так, что, стремясь объединить с одной стороны, разъединяли с другой. Везде и во всем Аня чувствовала себя лишней. К слову сказать, дома она тоже не привыкла принимать участия в том, что касалось быта, но там она просто ни о чем таком не задумывалась: все само откуда-то бралось и куда-то убиралось, точно так же не допуская вмешательства во внутреннюю скрытую жизнь. И, может быть, если бы в ее прошлой жизни все было бы иначе, Аня просто не обращала бы внимания на то, что здесь живет, как в гостях. Может быть как раз оттого, что она привыкла к тому со стороны собственной матери, это так сильно бросалось в глаза со стороны свекрови. Парадоксально, но факт. Она снова чувствовала себя ненужной, лишней и здесь, точно так же, как там. И это больно ранило ее и обижало, и заставляло грустить и плакать тайком. Как же так вышло, что она вновь столкнулась с тем, от чего пыталась убежать?

Итак, в выходные, собравшись за общим столом, семейство обсуждало дела прошедшей недели.

– Как на работе? – спросил Федор Константинович у Бориса. – Дело движется?

– Не то слово! – Борис был на подъеме. – Едва справляюсь! Гарик скоро фургонками возить начнет! А мне деваться некуда – хоть ночуй на работе.

– Где, кстати, ваша штаб-квартира? А то мать тебе обеды в поле носить порывается, все уши прожужжала.

– Нет, обеды – это лишнее, а насчет дислокации: мы подвал недавно сняли, за копейки. Там, правда, условия не фонтан, зато места много, и под склад хватает. На этой, на Рядовой, там где рынок раньше был, знаешь?

– Как не знать, – ответил Федор Константинович, с улыбкой наблюдая за сыном.

– Так это же от нас совсем недалеко, – обрадовалась Валентина Матвеевна.

– Мам, надеюсь, что это шутка, – Борис имел в виду идею с обедами. – А то растолстею, Анечка меня тогда любить не будет, – он подмигнул ей, – правду говорю?

– Да, – она смутилась, оттого что все внимание сразу обратилось на нее.

– Как там Игорь? – поспешил выручить Федор Константинович. – Чего не заходит? Я уж и забыл, как он выглядит. А то раньше-то бывало и дня не пройдет, чтоб он у нас не появился. А нынче – большой человек! – он усмехнулся.

– Да нет, просто дел много. Знаешь, мы тут «Газель» решили купить... – Борис слегка замялся. – И я хотел тебя попросить...

– Вы? – не понял Федор Константинович.

– Ну да. Короче, Гарик предложил мне долю выкупить, – Борис решил сразу раскрыть все карты, – чтоб мы с ним на равных были, впополаме то есть, и тогда мне будет уже не зарплата, а процент от прибыли выходить, и я как бы совладельцем буду.

– «Как бы» или «совладельцем»? – Федор Константинович любил определенность во всем.

– Совладельцем, не надо к словам придирайтесь.

– А там есть, чем владеть?

– Отец, я конечно понимаю твой скептический настрой...

– Да нет, извини, это я так. И о чем же ты хотел попросить? Ты не договорил.

Борис, не знал, как начать.

– Короче, я уже сказал, что мы «Газель» хотим купить... и это могло бы стать моим вкладом в общее, так сказать, дело... Вот я и подумал, что, может быть, ты мог бы мне помочь, хотя бы часть, а я потом отработаю. И тебе все отдам, даже с процентами.

– Интересно, – Федор Константинович пригладил волосы, и это был недобрый знак. – А с Игорем твоим увидеться можно будет как-нибудь?

– Да, он, кстати, как раз завтра обещал прийти, если вы не против? – оживился Борис, поняв, что самое неприятное уже позади.

– Конечно, мы не против, – заверила Валентина Матвеевна. – У меня завтра пирог будет с рыбой и ежики. Так что милости просим к обеду.

– Хорошо, вот завтра и поговорим.

За столом все притихли. Федор Константинович молча резал котлету. Так же молча котлеты резали остальные.

– А у вас, Анечка, как дела? – нарушил он вскоре молчание с таким видом, будто предыдущего разговора и не было. – Довольны работой?

– Да, спасибо.

– А вами там довольны? – будто в шутку спросил Федор Константинович.

– Не знаю, – честно ответила Анечка. – Пока не выгнали.

– Ну, зачем же так самокритично. Уверен, что вы отлично сработаетесь. Галина в этом отношении – просто клад, а вашего начальника Степана Ильича я знаю уже много лет и только с хорошей стороны. Так что волноваться вам не о чем. Тем более, вам, должно быть, это близко?

– Да, – ответила Анечка, тщательно скрывая истинное положение вещей. – Большое спасибо, я постараюсь, чтобы мной все были довольны.

На самом же деле на работе Анечка отчаянно скучала. Она не видела в бухгалтерском учете не только поэзии и тайного смысла, но даже явный смысл был скрыт он нее под густым покровом тайны. Ее совсем не вдохновляли те скрытые возможности баланса, которые увлеченно раскрывала перед ней Галина Ивановна, главный бухгалтер малого предприятия, на которое взяли Аню по протекции ее свекра в должность помощника того самого главного бухгалтера.

Галина Ивановна или просто Галина, как она попросила называть себя в рабочей обстановке, была женщиной бойкой, энергичной, веселой и жизнерадостной. В свои неполные сорок лет она, закончив обычные бухгалтерские курсы, преуспела на этом поприще до той степени, что превратилась в настоящего гения бухучета, способного творить чудеса, незаметные постороннему глазу. Она горела своей работой и вопреки расхожему мнению о бухгалтерах, как о людях скучнейших и приземленнейших, была человеком поэтически весьма одаренным. К тому же она прекрасно разбиралась в искусстве, прочла весь корпус мировой литературы и страстно интересовалась всем, что было связано, то есть в прямом смысле слова – на спицах или крючком.

Галина Ивановна скучать не любила, всегда делала несколько дел сразу, никогда ничего не забывала и всегда укладывалась раньше срока, а по той причине имела еще несколько подработок в виде надомного составления балансов неким частным предпринимателям.

Она имела сухие и правильные черты лица, длинные каштановые волосы, гладко убранные назад, и красивую фигуру, впрочем, не всегда умело подчеркнутую: она любила носить брюки и балахоны, руководствуясь тем принципом, что в первую очередь одежда должна быть удобной и не стеснять ее стремительных движений.

Итак, Галина Ивановна, или просто Галина, очень обрадовалась, впервые увидев Аню. Взглянув на нее, она посчитала, что эта милая скромная тихая девушка полна желания проникнуть в тайны ремесла, что она составит ей достойную компанию, а может быть, вскоре и достойную замену, так как Галина всерьез подумывала о том, чтобы перейти работать в компанию побольше, где и балансы будут побольше, и зарплата, что немаловажно. Подобные предложения ей поступали неоднократно, но она, как человек порядочный, не собиралась бросать предприятие, ее взрастившее, на произвол судьбы, не подготовив вместо себя человека, который бы полностью вошел в курс дела под ее чутким руководством.

Но, как вскоре выяснилось, Аня была совсем не тем человеком. Она витала в облаках, она мечтала о чем-то, зачастую забывая о том, чего от нее требовали. Она засыпала за компьютером, утомленная бесчисленными столбцами и цифрами, она маялась, она грустила. Ей никак не давались даже самые простые вещи, и она с удивлением обнаруживала, что то, что ей казалось скучным в институте, на поверку оказалось скучным вдвойне.

Галина недоумевала. Поначалу ее сбивали с толку диплом экономического факультета и личная просьба начальника, стародавнего приятеля Федора Константиновича, и потому Галина Ивановна, обнаружив полную Анину профнепригодность, долгое время не сдавалась, всеми силами пытаясь приобщить Аню к делу составления балансов и прочей отчетности.

Анечка старалась изо всех сил: никогда не спорила, со всем соглашалась, на критику реагировала спокойно, обнаруженные ошибки исправляла тщательно, в то же время случайно допуская другие, она старалась проявлять внимание и сосредоточенность, была бесконечно мила, дружелюбна, красива и... абсолютно не заинтересованна.

* * *

На следующий день, в воскресенье к обеду, как и было условлено, на пороге квартиры Лунгиных появился Карлуша. Он, как и обещал, пришел с подарками. Как истинный джентльмен дамам он преподнес цветы – Валентине Матвеевне шикарный букет красных роз, а Анечке не менее шикарный букет розочек белых. На стол – бутылку виски. И отдельно подарок для молодоженов: великолепный китайский чайный сервиз. Поскольку визит его, с одной стороны, имел неформальный характер как то – познакомиться с женой лучшего друга, и формальный с другой, а именно – решить вопросы, касающиеся их общего дела, в том смысле, чтобы оно как раз и стало общим на вполне конкретных основаниях, Игорь Карлов явился во всеоружии.

С первого же взгляда Гарик был буквально ослеплен Анечкиной красотой. Он с удивлением вглядывался в это чистое светлое лицо с тонкой белой кожей, в эти блестящие косулины глаза, в черные брови вразлет, в яркий красиво очерченный рот, и не мог поверить своим глазам. Теперь он понимал Бориса – ради такой забудешь не только Светку, вообще все на свете забудешь.

Теперь он понимал причины столь скоропалительной женитьбы: лучше, когда синица в руках, – рассуждал он, задерживая на Анечке до неприличия долгие взгляды, – а то, стоит только руки разжать, и лови потом журавля в небе. И Борьку зауважал еще сильнее.

Когда сели за стол, разговор завели самый непринужденный, и самый что ни на есть поверхностный. Каждый свое держал при себе, словно карточные игроки, которые держат при себе свои карты, и внимательно следя за реакцией соперников, не спешат вскрываться.

Федор Константинович, как игрок самый бывалый, понял, что пора вести партию, как только произошла первая смена блюд.

– Игорь, – обратился он к Гарику, – я тут крем уха слышал, что дела у вас идут как нельзя лучше?

– Да, спасибо, не жалуемся, – ответил Гарик.

– Я даже слышал, – продолжал Федор Константинович, – что вы собираетесь расширяться?

– Ну, это смотря в каком смысле, – ответил Гарик неопределенно.

– В прямом.

– Мы пока стараемся, все что зарабатываем, опять вкладывать в дело, так и расширяемся.

– И есть, что вкладывать?

– Да, прибыль хорошая выходит. Поставки увеличиваем, так что даже подумали о том, чтобы купить грузовик, потому что на легковушке...

– Я понял. Борис мне сказал, что это могло бы стать его, так сказать, вкладом в общий котел с правом войти в долю? Это так?

– Да, все верно. Я посчитал, что новая «Газель» стоит почти столько, сколько я сам вложил первоначально, так что будем работать на равных, пятьдесят на пятьдесят.

– А откуда, прости, у тебя такие деньги? Извини еще раз, что интересуюсь.

– Ничего, мне отец одолжил. Я ему обещал вернуть, как только дело наладится и будет такая возможность. Он согласился.

– Все ясно. Значит, бизнесу нужны дополнительные вливания?

– Это всегда так – чем больше вкладываешь, тем больше получаешь.

– Отлично. Но соглашение, я так понимаю, джентльменское?

Гарик понял, на что намекает Федор Константинович, и так как крыть ему было нечем, он посчитал лучшим говорить открыто:

– Джентльменское, но я потому только Бориса и позвал, что мы с ним всю жизнь знакомы, и даже больше того, так что ножи друг другу в спину втыкать, я надеюсь, не станем.

Федор Константинович оценил ответ по достоинству. Он знал Игоря и в нем почти не сомневался, просто хотел услышать, что скажет он сам. Ответ, повторим, его порадовал. С тем он предложил:

– Пойдемте, ребята, перекурим.

Мужчины поднялись из-за стола и вышли на балкон, а женщины принялись собирать посуду и накрывать к чаю. Между собой Валентина Матвеевна и Анечка не обсуждали только что услышанное. Мужские дела их заботили мало, зато нашлись поводы к их женскому разговору. Анечка пожелала приобщиться к поварскому мастерству, и как только она проявила малейшую настойчивость, Валентина Матвеевна на удивление легко сдалась, и теперь с упованием объясняла, что, как и из чего она готовит. Анечка слушала, раскрыв рот, и стремилась поскорее изготовить что-нибудь собственными руками. Так прижившаяся традиция дала свои первые плоды.

– Ну, что я вам могу сказать, – начал Федор Константинович, выпуская дым, – предложение, конечно, хорошее, и стоящее, но...

Это «но» сразу отбросило Бориса на самое дно той ямы, из которой он так усердно и так тщетно пытался выбраться. Сердце его упало.

– Да, еще раз повторяю, что предложение хорошее, и я с ним согласен, но теперь я, к сожалению, не готов вам помочь, – Федор Константинович помолчал, снова выпуская дым, – в том смысле, что у меня на данный момент просто нет таких денег.

Борис глянул на отца быстрым взглядом, но даже в том быстром взгляде он не смог не проявить обуревавших его чувств. Федор Константинович заметил это и обратился лично к Борису:

– Боря, сын, пойми меня правильно, что именно теперь я просто не готов тебе помочь. Но я обещаю, что как только такая возможность появится, я непременно...

– Я все понял, – Борис был готов со стыда сквозь землю провалиться.

Зачем было звать Гарика, чтобы при нем дать полный отлуп? Это что? Изошренные способы пытки? Выставить меня полным кретином перед другом, перед которым я и так уже ниже некуда? Что, вчера нельзя было сказать?

Буря бушевала у него в сердце. Он был готов разорвать отца на мелкие кусочки. Он был взбешен, разъярен! И стараясь не подавать виду своим чувствам и видя, что это ему не удастся, злился еще больше. Он покраснел, потом побледнел, и бледнел все сильнее и сильнее, пока глаза на его безжизненном лице не превратились в черные пламенеющие угли. Он уже ничего не слышал и не желал слышать...

– Сынок, – ласково обратился к нему Федор Константинович, – прошу тебя, пойми...

Он положил руку ему на плечо. Но Борис в бешенстве стряхнул с себя эту руку:

– Да пошел ты!

Он выскочил с балкона и бросился в коридор. Он не хотел никого видеть. Он мечтал скорее вырваться отсюда, из этого дома, и побыть одному, и постараться как-нибудь справиться. Нет, такой подлости он не ожидал. И от кого? От собственного отца!

Гарик вскоре догнал его на улице. Борис шел, нервно вытягивая сигарету за сигаретой. Он ничего вокруг себя не видел. Ненависть, жуткая, черная, как космическая дыра, заливала ему глаза. И если бы теперь случайно кто-нибудь попался бы ему на пути, он вцепился бы в этого человека, и душил бы его, и схватил бы его и выбросил прочь с дороги, и пнул бы его ногой, и плюнул бы на него. Сволочь!

– Борька, брось, – говорил Гарик, едва поспевая за ним, – не надо. Да успокойся ты! Я тебя прошу. Не бери в голову. Что-нибудь придумаем. Ничего, справимся.

Он хотел взять Бориса за руку, чтобы остановить, но тот с такой силой отшвырнул его прочь, что Гарик даже испугался. Но вида не подал, постаравшись перевести в шутку:

– Не зря в армии пробыл – здоровый стал, как бык!

– Да пошел ты!

– Ладно, стой, послушай...

– Уйди, сказал, – произнес он сквозь зубы, – а не то... – и замахнулся крепко сжатым кулаком.

– Ну давай, бей! Бей! – заорал вдруг Гарик ни с того ни с сего. – Давай, дай мне в рожу, может, полегчает! А! Ну, чего стоишь?! Бей!

Борис сам отшатнулся, как от удара.

– Ты чего?

– А я тебе говорю, бей! – не унимался Гарик. – Врежь мне! Ну!

– Да пошел ты, – произнес Борис устало и отрешенно. – Отстань.

– От меня просто так не отделаешься, – сказал Гарик. – А знаешь что: чем драться, пойдем, лучше, выпьем. Я тут местечко знаю, недалеко.

Борис вернулся под утро, пьяный совершенно. Таким его еще никто и никогда не видел, даже он сам себя таким никогда не видел. Он ввалился в квартиру, сорвав вешалку в коридоре, упал, зацепившись за чьи-то ботинки, и выругавшись, потащился к себе в комнату.

* * *

Всю неделю он ходил, как в воду опущенный, и разговаривать ни с кем не собирался, даже с Анечкой, которая и помыслить себе не могла, что он может быть таким, и от того сильно переживала и даже плакала. Она не знала, что сделать, чтобы снова вернуть его в нормальное состояние, как не знала и того, что же произошло у них там с отцом.

V

Прошло пару недель, Гарик пообещал, что все равно возьмет Бориса в долю, на что тот ему ответил, что собирается выплатить свою часть из собственной зарплаты. Он плюнул на возражения Гарика и на свои мечты снять квартиру, как плюнул и на собственного отца. Он решил, что он не отец ему больше, раз способен при всех выставить его полным идиотом и не хочет помочь, даже когда его об этом просят, а вернее, чуть ли не на коленях умоляют. Он прекрасно знал, что у отца есть деньги: он сестре каждый год отвозит чуть ли не больше, чем Борис попросил у него раз в жизни.

А раз он меня знать не хочет, так и я его знать не желаю, – так решил и на том успокоился.

Но вот однажды поутру в субботу, когда веселые лучи апрельского солнца обещали чудесный и теплый не по сезону день, Федор Константинович, откушав чаю с бутербродами с паштетом, неожиданно заявил, что уходит и чтобы к обеду его не ждали.

– Как это понимать? – возмутилась Валентина Матвеевна. – Неужели тебе и на пенсии для твоих дел целой недели мало? Я суп варю с фрикадельками и блинчиков напеку, а это нельзя холодным есть, и разогревать по второму разу – тем более. Каждый раз всех прошу – не опаздывать. Сын целыми днями пропадает, и ты туда же? Ну что за дело?

– В музей решил сходить, – ответил Федор Константинович, пропустив мимо ушей все остальные вопросы.

– В какой музей? – поинтересовалась Аня.

– В музей? – удивилась вместе с тем Валентина Матвеевна. – Что это с тобой? В самом деле?

– А что ж такого? Там выставка новая открылась – в краеведческом – хочу посетить. Экспозиция большая, так что к обеду не управлюсь, а туда-сюда ездить – сами понимаете, – он развел руками.

– Но почему именно сегодня? Именно сейчас? – Валентина Матвеевна не могла преодолеть в себе ощущение странной недоговоренности, а может быть даже обмана?

– Потом расскажу, – свернул разговор Федор Константинович, явно не желая вдаваться в подробности.

– Ну вот, как всегда, – расстроилась Валентина Матвеевна, – Борис ни свет ни заря прочь из дому, теперь вот ты за ним, а нам с Анечкой снова одним сидеть? Нехорошо получается?

– Так и вы куда-нибудь сходите, – нашелся Федор Константинович.

– Разве что с тобой, – парировала Валентина Матвеевна, – но ты же нас не приглашаешь?

– Нет, не приглашаю, – спокойно согласился Федор Константинович, – но вы и сами сходите, не пожалеете.

С тем он удалился.

Валентина Матвеевна и Аня переглянулись, недоумевая. Ни в какой музей они, конечно, не пошли, и остались дома. Аня так уставала на работе, что по выходным ей уже не хотелось никуда ходить, тем более, нужно было привести в порядок гардероб, постирать, прибраться в комнате и отдохнуть, почитать, наконец. Она вдруг и с удивлением обнаружила, что с тех пор, как приехала сюда, не прочла еще ни одной книги. Какие-то постоянные заботы, волнения, огорчения и прочее незаметно растаскивали ее время по мелочам, так что на книги – ее любимые книги – совсем ничего не оставалось. А с тех пор, как вышла на работу, и говорить нечего: времени едва хватало даже на собственного мужа.

И вновь мысли Ани приняли не самый приятный оборот. Она снова расстроилась, вроде бы без причины. Она уединилась в комнате, и предалась своим горестным мыслям вся

без остатка, пытаясь разобраться и понять, что же произошло и происходит. Отчего вдруг исчезло то ощущение безграничного счастья, оказавшееся таким мимолетным? Отчего? Все тонуло в каком-то вязком болоте, которое поглощало все самые светлые и радостные минуты, превращая дни в одинаковые серо-зеленые пузыри.

Борис, ее Боренька, целыми днями пропадал на работе. Они почти с ним и не виделись теперь, только по вечерам. В доме царили чужие и чуждые ей порядки, под которые приходилось подстраиваться, снова теряя частички себя и тех отношений с мужем, которые так и не удавалось выстроить так, как хотелось, как она мечтала вначале: только вместе, только вдвоем, навсегда...

Она любила Бориса, очень любила, и ей все время хотелось быть вместе с ним – видеть его, прикасаться, держать за руку, обнимать, целовать и не только. Может быть, ей не хватало свободы в проявлении чувств, оттого, что постоянно приходилось помнить, что они не одни, и следить за собой, постоянно оглядываясь и сдерживая себя. И тогда глубоко запрятанная внутри обида и неудовлетворенность прорывалась раздражением по другим поводам, по пустякам. И она высказывала Борису то, что высказывать не следовало, но что кроме него высказать было некому.

Говорят, что всякие чувства прекрасны только в развитии, а любовное чувство – в особенностях. И Анечка, не отдавая себе в том отчета, болезненно ощущала это отсутствие развития. И оттого, наверное, испытывала какое-то смутное и неясное постоянное ощущение отсутствия чего-то важного. И тогда ей казалось, что счастья нет, хотя с виду все было – лучше некуда. И чего еще желать?

И вот она одна сидела в комнате и печалилась. Она собиралась делать какие-то дела, но делать не хотелось. Она чувствовала себя, как выжатый лимон, и ей хотелось только лечь и уснуть, чтобы больше не думать ни о чем таком, потому что иначе никак невозможно было победить в себе эти мысли, отвлечься от них, развеяться. Можно было бы, конечно, пройтись, подышать свежим воздухом, но прогулки тоже не доставляли ей большого удовольствия, потому что опять же наводили на мысли не самые приятные. Этот городишко не шел ни в какое сравнение с Москвой, это было понятно с самого начала. Но Аня никак не могла перестать сравнивать. Она не могла представить себе, что проживет здесь остаток своей жизни, только еще начинавшейся. Эти угрюмые бедные пятиэтажки, эти старые дырявые дворы, эти улицы с разбитым асфальтом, эти ржавые маршрутки, эти убогие магазины, оставшиеся еще с советских времен. Все это постоянно наводило на нее тоску и уныние, повергало в какое-то сомнамбулическое состояние сна, от которого она так мечтала очнуться.

Аня сама не заметила, как заснула, притулившись к спинке старого кресла, кое-как уютившись среди развешанной на спинке и подлокотниках одежды, которую она как раз собиралась разобрать и постирать.

Ее разбудил голос Бориса в прихожей. Он вернулся? Анечка глянула на часы – полтретьего – как раз к обеду. А я... – она наспех убрала волосы и протерла глаза.

Она так ничего и не сделала.

– Привет, моя дорогая, – произнес Борис, входя к ним в комнату. – Как поживаешь? Что делаешь?

Он нежно поцеловал Анечку в шею, обнял ее и поднял на руки.

– Что делает моя принцесса? Не грустит ли она?

– Ты уже вернулся? Насовсем? – спросила она с надеждой.

– Да, вот пришел проверить, как вы тут одни справляетесь, – улыбнулся он.

Он опустил ее на кровать и стал переодеваться. Аня смотрела на его красивое и сильное тело, на движения с какими он снимал и развешивал на плечиках рубашу, складывал брюки. Так движутся леопарды, молодые и сильные, уверенные в себе, и оттого расслабленные, чье гибкое

тело в любую секунду может напрячься, сконцентрировав в себе мощный заряд, и совершить бросок, или удар, или прыжок, и затем вновь размягчиться.

Ей хотелось смотреть на него, и чтобы он не одевался, и не уходил никуда, а остался бы с нею, теперь же, сейчас, и ласкал бы ее, как леопард ласкает свою подругу, дико и страстно, и нежно...

– Боря! – послышался из соседней комнаты голос Валентины Матвеевны, – ну, где вы там? Идите скорее. Я уже накрыла. Суп остывает. Вы слышите?

– Уже идем! – ответил он, повысив голос. – Пошли, – сказал он, посмотрев на Аню, полупшепотом, бархатно-тихо, как леопард, который рычит-мурлычет, прикрывая янтарные глаза.

– Идем, – вздохнула она и улыбнулась почти через силу.

Глаза ее потухли, и супа совсем не хотелось.

Не успели сесть за стол, как входная дверь открылась, и вошел Федор Константинович.

– Как раз вовремя подоспел, – проговорил он, снимая пальто в прихожей. – Мать порадовал.

Валентина Матвеевна несла из кухни супницу и столкнулась с мужем в прихожей.

– А говорил, что не придешь, – удивилась она.

– Вот, порадовать тебя решил, – улыбнулся Федор Константинович, – в срок уложился.

Он направился мыть руки. Валентина Матвеевна тем временем отправилась за дополнительным прибором.

– О, вся семья в сборе, – констатировал Федор Константинович, входя в комнату. – Отпустили что ли? – обратился он к Борису.

– Раньше закончил.

– Отлично, как раз по делу, – усмехнулся он чем-то своему, явно пребывая в приподнятом настроении.

– Ну, как сходил? – спросила Валентина Матвеевна. – Как выставка?

– Отлично, просто отлично. И вам всем советую непременно посетить.

– А где он был? – спросил Борис у матери.

– В краеведческий музей ходил, на выставку какую-то.

– Ничего себе, чего это на тебя нашло? Или там что-то необыкновенное, а?

– Захотите, сами сходите. Я вам пересказывать не буду, – ответил Федор Константинович. – Но я вам вот что скажу... Борис, подай соль, пожалуйста... а именно: завтра мы с вами все вместе идем в гости к одним моим хорошим знакомым, так что по такому случаю попрошу ничего на завтрашний день не планировать. Все согласны?

– Предложение, прямо скажем, неожиданное, – ответил Борис.

Теперь он держался с отцом несколько отчужденно.

– А к кому идем? – поинтересовалась Валентина Матвеевна. – И во сколько?

– И по какому случаю? – добавил Борис с плохо скрытой иронией.

– Завтра все узнаете. Пойдем пораньше, к обеду.

– Что-то отец у нас сегодня весь день загадками говорит, – заметила Валентина Матвеевна.

Аня сидела молча, не принимая участия в разговоре. Она уже привыкла к тому, что Федор Константинович очень странный и необычный человек, и что с ним ухо надо держать востро, – по его же собственному выражению. Так что Аня, чтоб лишний раз не попасть впросяк, старалась говорить поменьше и молча делать то, что ей велят. Она кивнула, соглашаясь.

Хотя, на самом деле завтра идти ей никуда не хотелось, тем более к каким-то неведомым знакомым Федора Константиновича. Более того, она буквально пришла в отчаяние от данного предложения. Единственный день, который они могли бы провести вдвоем с Борисом, снова загружается какими-то посторонними и совершенно ненужными ей мероприятиями. А потом

снова целую неделю на ходить работу, в надежде, что хоть в следующие выходные они смогут побыть вместе и только вдвоем. Но там как всегда опять что-нибудь нарисуеться, и снова ждать целую неделю. Это становилось мучительным, просто невыносимым.

Отказавшись от чаю, Аня снова удалилась в свою комнату. Она вновь сидела в том самом кресле на так и не убранных одеждах, и вновь предавалась своим горестным мыслям.

«Что же делать? Что же делать? – думала Аня. – Неужели же нет никакого выхода? Должен быть. Потому что дальше так продолжаться не может. Просто не может! Но что же делать? Боря работает, я работаю, но о том, чтобы снять квартиру и речи нет: и так едва хватает. Терпеть и ждать? Но чего? Ничего не изменится. Это же ясно, как день. Уехать? Может быть вообще уехать отсюда? Но как? Даже если мать меня простит, то Бориса – никогда. И там будет тоже самое, что здесь. Только еще со скандалами по поводу и без повода. А так, как сейчас, не знаю, насколько меня еще хватит. Господи, ну почему у меня вечно так? Ну, живут же люди? И по-хорошему, и не ссорятся, и любят друг друга, и всем места хватает? Вон, сестра у Бори – живут в своем доме, отдельно от всех. Ведь это отец им сделал. Но – об этом тоже можно забыть. Нам он ни за что не поможет, оттого что так поступили с ним, не честно. А он гордый, очень гордый. Скажет, позволения моего не спросили, вот теперь и разбирайтесь сами, как знаете. Спасибо еще, что из дома не выгоняет, как некоторые...»

Тут Аня вспомнила о своей маме, и воспоминания эти были тяжелые, оттого что слишком противоречивые. Она вспомнила, как тосковала под Новый год, и как ей хотелось вернуться в Москву, и чтобы снова быть с мамой, как раньше. Пойти к кому-нибудь в гости, а потом на горку в парк – у них там такой красивый парк. И эти воспоминания заставили ее сердце сжаться от тоски по прошлому – прошлому, от которого она сама бежала. И подумав об этом, она вспомнила с обидой, такой же горячей, как в тот самый день, о том, как ее мать откровенно выставила Бориса в ответ на его предложение жениться. Страшно вспомнить! И как сама она потом рыдала, уткнувшись в подушку, а мать, вместо того, чтобы утешить, только сильнее расстраивала ее, рассказывая с кем она связалась.

Эти и подобные им мысли, цепляясь друг за друга, производили на Аню все более тягостное впечатление, и она, загнанная в ловушку собственных рассуждений, приходила во все более подавленное и безвольное состояние, когда жизнь кажется такой беспросветной, что остается только расплакаться. Что она, в конце концов, и сделала.

И в таком именно состоянии и нашел ее Борис, вскоре последовавший за нею.

Он совсем не ожидал такого поворота событий и растерялся:

– Анечка, миленькая моя, ты что – плачешь? Отчего?

Он присел рядом с ней.

– Ну, скажи мне, что случилось?

Она не отвечала, тщетно пытаясь справиться со слезами.

– Ну, хорошая моя, что с тобой? Кто тебя обидел?

– Никто, – ответила она угрюмо.

– Тогда не плачь, – он поцеловал ее в надутые губки, совсем как тогда в Сокольниках. – Не плачь. Хочешь, сходим куда-нибудь? В кино, может быть? Или в музей? Отец говорит, там интересно. Давай сходим? Куда хочешь?

И тут неумело нагроможденная плотина прорвалась, вся невысказанная обида хлынула наружу:

– Не хочу я никуда! – воскликнула-прошипела она, так чтобы не услышали в соседней комнате. – И завтра не хочу! Понимаешь? Пусть они сами идут, а мы чтобы дома остались. Зачем нам туда? Я с тобой хочу побыть, с тобой! Я не могу больше так! Пойми...

Она снова заплакала, спрятав лицо у него на груди.

Борис все понял.

Как всякий мужчина он ужасно не любил и даже боялся женских слез. И готов был сделать что угодно, лишь бы Анечка не плакала. Он пошел к отцу.

– Тут вот какое дело, – начал он без прелюдий. – Послушай, нам завтра с вами обязательно? Я так и не понял, если честно, куда вы собрались? И зачем нам... – он помолчал, ожидая, что отец что-нибудь скажет.

Но Федор Константинович слушал спокойно и внимательно, не перебивая.

– Знаешь, Аня что-то неважно себя чувствует, – объяснения приходилось сочинять на ходу, – вот я и подумал, что, может быть, наше присутствие завтра не очень обязательно?

Федор Константинович посмотрел на сына и ответил по-доброму, но тоном, не терпящим возражений:

– Нет, сын, завтра ваше присутствие там просто необходимо, так что я уже сказал и повторяю вновь: на завтра ничего не планируйте.

– Но, может быть, ты хотя бы объяснишь? – Борис начинал раздражаться, чувствуя себя как между молотом и наковальней.

– Завтра все узнаешь. Все, иди.

С тем отец погрузился в чтение газеты, всем своим видом показывая, что разговор окончен. И Борису ничего не оставалось, как вернуться к жене, не солоно хлебавши.

– Ну что? – Аня перестала плакать и ждала с надеждой.

Он только покачал головой в ответ.

Она вздохнула и поджала губки.

– Ты не расстраивайся, – нашелся Борис. – Давай мы завтра все-таки туда пойдем, а потом, может быть, пораньше уйдем. А родители останутся.

– Да куда – туда?! – она снова не выдержала. – Ты мне можешь хотя бы объяснить?

Борис понял, что попал в положение не самое удобное. В глазах Ани он выходил, казалось, чуть ли не маменькиным сынком, который делает только то, что ему родители говорят. И всем своим видом Аня желала показать ему, что именно так о нем теперь и думает.

– Я не знаю, – честно признался он. – Давай не будем ссориться, сходим, куда просят, и обещаю, что это в последний раз. Ты согласна?

– Я согласна! Я уже на все согласна! Разве ты не видишь?..

Борис не знал, что сделать, чтобы уладить ситуацию. И в глазах отца ему не хотелось выглядеть хлюпиком, который не может справиться с собственной женой. Значит, рано женился, подумает отец, и будет прав.

– Прости, – сказал он, с нежностью прикасаясь к ее руке. – Прости. Не сердись. Давай лучше сходим куда-нибудь. Вдвоем, – добавил он после небольшой паузы. – Может, в ресторан? Хочешь? Там, где музыка?

– Да у вас тут нет никаких ресторанов, – Аня никак не могла успокоиться, и хотела отнять руку.

– Есть, – Борис продолжал, с нежностью глядя на нее, и не выпуская из рук ее руки, – просто ты не знаешь. А я тебе покажу. Хочешь?

– У тебя денег нет на рестораны, – отступила она за последний заслон.

– Есть, – ответил он, чувствуя, что позиции сданы. – Для тебя – все есть.

– Ладно, – она улыбнулась сквозь слезы. – Пойдем.

VI

На следующий день, в воскресенье, отец встретил всех за поздним завтраком бодрым, свежим и явно в приподнятом расположении духа. Оказалось, он давно уже поднялся и даже успел куда-то сходить. Куда – так и осталось для всех загадкой.

Он напомнил, что сегодня они всей семьей идут в гости и чем раньше, тем лучше вплоть до того, что следует собираться сразу после завтрака.

– Да кто это в гости ходит в такую рань? – недоумевала Валентина Матвеевна. – Хозяева еще спят, небось?

– Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро! – отвечал Федор Константинович с интонациями Винни-Пуха.

– Брось шутить, – допытывалась Валентина Матвеевна хоть какого-то вразумительного ответа, куда же им все-таки следует собираться сразу после завтрака, – скажи ты, наконец! И что за тайна такая, не пойму? Людям, в любом случае, нужно как-то подготовиться. А тут мы привалим, не свет, ни заря. Не дело это.

– Дело, и дело небыстрое. Так что хватит рассуждать. Объявляю шестидесятиминутную готовность.

Борис и Аня молча следили за разговором отца с матерью, разделяя недоумение Валентины Матвеевны и ее непереносимое желание выяснить детали.

Отец тем временем направился в комнату и достал из шкафа свой самый лучший костюм, осмотрел придирчиво и остался доволен. Глядя на него все поняли, что форма одежды самая парадная.

Анечка думала и никак не могла решить, что же ей надеть. И вовсе не оттого, что выбор был велик, а как раз напротив. И она металась между скромненьким костюмчиком, в котором каждый день ходила на работу, меняя для разнообразия только блузки, которых всего-то было две, и нарядным вечерним платьем, которое ей подарили к Новому году. Платье было шикарное, но для утреника явно не подходило. К такому наряду и макияж требовался соответствующий, то есть вечерний. И она не знала, как поступить.

– Боря, скажи, что мне надеть? Даже не знаю.

– Надевай самое лучшее, что у тебя есть?

– Только платье...

Анечка вытащила из шкафа чудесное темно-синее бархатное платье по фигуре с глубоким вырезом на спине. Смотрелась она в нем просто сногшибательно, в чем Борис смог убедиться в очередной раз не далее как вчера, сопровождая жену в ресторан. К платью прилагался палантин и замшевые туфельки на шпильках.

– Отлично! – воскликнул Борис, полностью одобряя выбор. – Ты в нем такая...

Он приблизился и обнял жену более чем откровенно. Она отстранилась:

– Отстань, я у тебя серьезно спрашиваю. По-моему, это все-таки слишком, тебе не кажется?

– Не кажется, – он снова повторил попытку.

– Боря! – прошептала Аня. – Не теперь. Давай лучше вернемся пораньше, как договорились?

– И вернемся пораньше... – он увлекал ее за собой. – Давай...

– Я так не могу, вдруг кто войдет?

– Не войдет. Анечка...

Одевшись и накрасившись, Анечка сияла. Она была так хороша, что все невольно любовались ею. С каждым днем она расцветала все больше, превращаясь из молодого бутончика в прекрасную алую розу, день за днем разворачивающую свои лепестки, под каждым из которых – тайна.

Отец по случаю вызвал такси, из чего все в очередной раз сделали вывод, что случай сегодня особенный. Сойдя вниз благородное семейство расселось в поданной к подъезду машине.

– Оладина, дом двадцать шесть, во двор, – скомандовал Федор Константинович, и машина тронулась.

Дорогой и Борис и Валентина Матвеевна каждый про себя думали и пытались припомнить хоть одного общего знакомого на площади Оладина. Борису этого сделать не удалось, как, впрочем, и Валентине Матвеевне. Итак, все трое, включая Анечку, у которой на площади Оладина никаких знакомых не имелось тем более, неслись в неизвестность, то и дело подпрыгивая на дорожных выбоинах и корявых заплатках.

Через четверть часа довольно скорой езды, машина подъехала к внутреннему подъезду большого сталинского дома на центральной площади города. Этот дом представлял собой могучее десятиэтажное угловое здание на пересечении улицы Демьянской и Центрального проспекта. Это был тот самый дом светло-желтого охристого цвета в рустах и лепнине, с ажурными коваными балкончиками и арочными окнами по фасаду, на который Анечка обратила свое внимание в самый первый день, когда они с Борисом гуляли по городу. Она еще подумала тогда, что вот ведь и в такой глуши кто-то когда-то тоже возводил прекрасные и величественные здания.

Старая тяжелая дверь с большой латунной ручкой скрипнула, нехотя пропуская гостей в подъезд. За дверью открылся просторный холл с полом, выложенным красивой многоцветной плиткой и широкой лестницей с перилами, тремя ступенями поднимавшейся в первый этаж.

Гости поднялись по ступеням и оказались на площадке между четырьмя дверьми, ведущими в квартиры. Федор Константинович остановился перед одной из дверей высотой около двух с половиной метров, с темно-коричневой кожаной обивкой и золоченой цифрой сорок семь. Он действовал уверенно, так что становилось понятно, что он бывал здесь не раз. Валентина Матвеевна же, напротив, никогда не бывала в этом доме и даже не представляла себе, зачем находится здесь и теперь. Борис смотрел на все с удивлением, но особенно голову не ломал, отчего и почему. Анечка держала его под руку и во всем полагалась на мужа.

Федор Константинович надавил на кнопку звонка. Послышался мелодичный звон с эхом, словно старинный часовой бой в пустом и высоком зале, и через некоторое время дверь перед ними раскрыла довольно молодая миловидная женщина с химической завивкой на светлых волосах, ореолом окружавших ее удлиненное и с мелкими чертами лицо. Она была одета в длинный до пола расписной халат наподобие старинного шлафрока, отороченный по низу и по вороту натуральным норковым мехом, с поясом в несколько оборотов обвивавшим ее тонкую длинную талию. На ногах у нее были сабо на высоких каблуках, так же отороченные мехом.

– Здравствуйте, дорогой Федор Константинович, милости просим! – женщина лучезарно улыбалась перламутровыми губами, обнажая мелкие жемчужные зубы. – Здравствуйте, дорогие мои! Ну, что же вы стоите, проходите, прошу вас, сюда.

Она проводила гостей в обширную прихожую, из которой в неизвестном направлении выходило два бесконечных коридора – прямо и налево, терявшихся где-то в необъятных дебрях квартиры. В полумраке светило хрустальное бра, паркетные полы были наполированы до блеска. Гостям предложили оставить верхнюю одежду в шкафах, и не снимая ботинок, пройти в гостиную. Анечка присела на пуфик у зеркала, чтобы надеть свои туфельки. Ей каза-

лось, что она попала в фойе театра, а не в квартиру, в которой живут: так здесь было широко, просторно, свежо и блестяще. Солнечный свет, казалось, не проникал сюда извне, так что недостаток его приходилось компенсировать множеством различных светильников, которые светили каждый на свой манер, создавая атмосферу праздника. В своем вечернем платье Аня смотрелась здесь как нельзя лучше. Каблучки гулко стучали по паркету.

– Проходите, прошу вас, прямо и направо. Туалетные комнаты прямо по коридору, – предусмотрительно сообщила хозяйка.

Федор Константинович прошел по-свойски в большой зал за стеклянными дверями, распахнутыми настежь, где ему навстречу поднялся господин лет пятидесяти с небольшим, довольно высокого роста и плотного телосложения, видом своим напоминавший аристократа на отдыхе, то есть одетого свободно, но дорого, изыскано и слегка эксцентрично. Он был в цветастой шелковой сорочке и надетом поверх нее жилете, с платком на шее, в шароварах и турецких домашних туфлях.

– Здравствуй, дорогой Федор Константинович! – произнес он, поднимаясь с низкого диванчика наподобие оттоманки. – Давно ждем-с! Как сам? Жив-здоров?

Федор Константинович отвечал любезностью на любезность. Следом за отцом в комнату вошел Борис.

– Здравствуйте, – произнес он, стараясь держаться свободно, но в то же время чувствуя себя неловко, ступая уличными ботинками по коврам. – Борис Лунгин, – отрапортовался он, как в армии.

– Знакомся, Виталий Альбертович, это мой сын Боря, – сказал Федор Константинович, не без гордости поглядев на сына.

– Каков орел, – ответил хозяин, – совсем взрослый, не мальчик но муж, как говорится, – он подошел к Борису и протянул руку: – Очень рад, очень рад.

– Взаимно.

Мужчины крепко пожали друг другу руки, и Борис непроизвольно отметил, что рука у хозяина очень мягкая и теплая, словно это не рука вовсе, а нечто отдельно живое и без костей. Странное ощущение, и Борис, удивленный, стал невольно присматриваться к этим рукам.

Следом вошли женщины в сопровождении хозяйки. Виталий Альбертович поспешил представить хозяйку гостям:

– Знакомьтесь, это Лариса Павловна, моя жена, – сообщил он.

Лариса Павловна вновь лучезарно улыбнулась, осветив всех присутствующих своей счастливой улыбкой, и сделав едва заметное движение в направлении книксена, прошептала:

– Можно просто Лалочка.

Федор Константинович представил своих. Хозяева таинственной квартиры, действительно больше похожей на театр, чем на жилище, и вели себя, как на сцене: проявления их чувств были преувеличены, позы картинны, наряды стилизованы и декоративны – но все это самую малость, так чтобы не слишком бросалось в глаза. В общем же были они людьми вполне нормальными, живущими в каком-то своем особенном мире. Их жизнь подчинялась несколько иным законам, и царили в ней порядки, не свойственные простому большинству граждан провинциального городка. Бывает, что и старое цирковое трико с наполовину обсыпавшимися блестками может показаться кому-то царским платьем, но, тем не менее, продолжает оставаться все тем же трико.

Наше благородное семейство смотрело на все с некоторым удивлением, впрочем, тщательно скрываемым.

Валентина Матвеевна упорно пыталась понять, куда это завел их ее муж, и с какой собственнo целью. И что может и должно объединять ее, женщину сугубо практичную и экономную, со всей этой бесполезной роскошью и теми чужими людьми, привыкшими в этой роскоши жить? Валентина Матвеевна приятно улыбалась, выслушивая всевозможные комплименты –

оказывается они о ней слышаны и давно мечтали встретиться, так сказать, лицом к лицу, – очень рада слышать, – в целом оставаясь совершенно равнодушной. Ее занимал только один вопрос: к чему все это и что может последовать за тем. Она прекрасно знала, что муж ее сюрпризов не любил – но это по отношению к себе – зато сам был на выдумки горазд. В чем Валентине Матвеевне предстояло убедиться в самом ближайшем будущем.

Борис внимательно разглядывал хозяев и обстановку. Всматриваясь в милое ухоженное личико Ларисы Павловны, он тщетно пытался определить ее возраст, хотя бы приблизительно: двадцать? тридцать? сорок? Тонкие руки с перламутровыми ноготками, золотые кольца с драгоценными камнями, от природы стройная фигура, манеры, и доброжелательность – искренняя или это всего лишь удачный актерский этюд? Изучая Виталия Альбертовича, он вновь обращался к его рукам, мягким и пластичным, с маникюром, в перстнях. Лицо Виталия Альбертовича также было мягким и пластичным, подвижным, с бородкой замысловатой формы. И не смотря на свою несколько странноватую внешность, он производил впечатление человека открытого, доброго и отзывчивого.

Аня была восхищена: такой дом! Боже, какая красота кругом! Как все изыскано, как со вкусом. Неужели же в таком захолустье еще встречаются подобные люди? Аристократы до мозга костей. В их обществе она робела, и, глядя как запросто Федор Константинович общается с ними, держась на равной ноге, она проникалась к нему все большим уважением, в очередной раз убеждаясь, что он не прост, совсем не прост.

Лалочка сразу выделила для себя Аню. Она обращалась к ней совсем по-дружески, как будто знакомы они были не полчаса, а полжизни. Для нее не было в разговоре вещей важных и неважных, она говорила обо всем наравне, будь то жизненные планы или брошка, попавшаяся на глаза. Она меняла свой курс, так же быстро, как яхта, идущая галсами, но в одном направлении. И при всей сумбурности высказываний, окончательно спутывающих собеседника, Лалочка, к чести своей, четко придерживалась выбранного ею курса.

Аня улыбалась, польщенная вниманием, и охотно отвечала на вопросы, не успевая, впрочем, вставлять в разговор свои. И первый вопрос, который ей не терпелось задать, чтобы избавиться себя от доли неловкости – это как ей стоит к Лалочке обращаться: на «вы» и Лариса Павловна, или на «ты» и Лалочка? Она, точно так же как Борис, не могла определиться с возрастом хозяйки, которой одинаково могло быть и двадцать три, как самой Ане, и сорок три, как ее матери. В своем цветастом балахоне порхала Лалочка, легкая и волшебная, как птица кетгуалей, так что всякий невольно любовался ею, забывая о том, кто она и что она есть на самом деле.

– Ты просто очаровательна, девочка моя, – подвела Лалочка итог первому знакомству, – это платье – шарман, блё фонсэ – мой любимый цвет. Ты похожа на цветок – роз фрамбуаз – у меня нет слов. Я так счастлива!

Анечка смешалась:

– Ну что вы, вы мне льстите, Лариса Павловна, – ответила она, не совсем вникнув в смысл комплимента.

– О, прошу без условностей, Лариса Павловна и прочее, – она взмахнула рукой, словно отгоняя надоедливую муху, – пожалуйста, зови меня Лалочка или Кларисса, как угодно. И не нужно этого «вы», чепуха какая, – она приблизилась и dokonчила доверительно: – иначе я чувствую себя старухой.

– Ой, ну что вы... то есть... – Ане было сложно мгновенно подстраиваться под мгновенно меняющиеся темы и настроения. – Разве это возможно?

– Мне почти сорок лет, – неожиданно заявила она, откровенностью вызывая на откровенность, – это уже возраст, но я, – она сделал жест ладонью к себе и, словно освобождаясь от невидимого груза лет, смахнула с себя минутную серьезность, – не хочу стареть! Я чувствую себя, как в восемнадцать!

Она засмеялась серебряным смехом, и Анечка вдруг почувствовала себя легко. Ей тоже захотелось смеяться вместе с этой милой, немного взбалмошной, но доброй и симпатичной женщиной. Она была благодарна Лалочке за то, что та отнеслась к ней так доброжелательно, без тени гордости и предубеждения. Казалось, с первых минут знакомства они нашли общий язык и обе стремились продолжить общение. Но Лалочку ждали обязанности радушной хозяйки, пренебрегать которыми было просто непозволительно.

– Приглашаю всех осмотреть квартиру! – объявила Лалочка.

– Мы с Виталием Альбертовичем, с вашего позволения, вас ненадолго покинем, – сообщил Федор Константинович, и словно бы подмигнул Ларисе Павловне.

– Конечно, конечно, – поспешила та выразить свое согласие, и повела за собой оставшихся гостей, как экскурсовод группу туристов, желающих ознакомиться с достопримечательностями.

Широкими жестами Лалочка распахивала двери:

– Здесь у нас кабинет с библиотекой, – поясняла она, и все входили в комнату уставленную по стенам старинными высокими стеклянными шкафами с книгами в толстых тисненых золотом переплетах, с изящными столиками на львиных ножках, с конторкой, с массивным столом в углу комнаты и с обилием мелких вещиц, ни названия ни предназначения которых не знали ни Аня, ни Борис.

– Здесь у нас гостиная, – вела хозяйка гостей в смежную комнату, отделенную высокими двустворчатыми дверьми, и гости попадали в просторный зал, так же заставленный старинной мебелью, диванами креслами и стульями, какими-то столиками и этажерками, шкафчиками и сервантами, точно так же заполненными множеством самых разнообразных вещей.

– Здесь у нас спальня, – выходя через боковую дверь в коридор Лалочка распахивала двери напротив, и перед гостями открывалась чудесная светлая комната с огромной кроватью под стилизованным балдахином, убранный коврами и подушками, увешанная по стенам светильниками и картинами, уставленная торшерами и множеством мелких декоративных вещей.

– Здесь у нас столовая, – говорила Лалочка, проводя гостей через боковую дверь в ту самую комнату, из которой они вышли первоначально.

– Дальше у нас кухня, – все снова вышли в полутемный коридор, и, миновав просторную прихожую, двинулись по коридору направо.

Кухня была обширна и распланирована умно и удобно. Множество навесных шкафчиков из массива в два яруса под самый потолок, широкие столы, дубовые стулья с высокими спинками, газовая плита с вытяжкой, мусоропровод, два двухкамерных холодильника и огромное окно с широким подоконником, на котором умещался в ведре могучий фикус.

Тем временем Федор Константинович и Виталий Альбертович уединились на лестничной клетке: Федор Константинович с сигаретой, а Виталий Альбертович с трубкой. Некоторое время они стояли молча, пуская в потолок клубы синеватого дыма. Они прекрасно понимали друг друга и без слов.

– Ну что же, Виталий Альбертович, – прервал Федор Константинович воцарившееся молчание, – мы с тобой, друг мой, отлично ладили все это время, но теперь, сам видишь, настало время другое. Так что...

– Да, Федя, мы этого, разумеется, ожидали, но, скажу честь по чести, не так скоро, не так скоро.

– Эх, Виталя, – вздохнул Федор Константинович, разводя руками, – кто ж мог такое представить! – он усмехнулся. – Извини, что раньше не предупредил – не мог. Я все думал, знаешь, думал... – Федор Константинович, казалось, хотел сказать что-то еще, но видно решил, что не стоит сор из избы выносить. – Да вот надумал. Так что не обессудь, принимай дорогих гостей.

– Уговор дороже денег, – ответил Виталий Альбертович, – твое право, в любое время. Так что мы сделаем все возможное, чтобы как можно скорее освободить...

– Да ты не торопись, – успокоил друга Федор Константинович, – как управишься, так и ладно. Главное, что мы договорились. Спасибо тебе за все, если что не так, извини, зла не держи.

– Ну что ты, – горячо возразил Виталий Альбертович, – это тебе спасибо, Федор Константинович, выручил так выручил. И спасибо, что столько времени нас не беспокоил, спасибо!

– Не на чем, каждый свое получил, так что мы с тобой, братец, квиты. И это, я еще вот чего хотел сказать: ни к чему вы прием такой затеяли, как на высшем уровне. Президенты что ли какие к вам пожаловали?

– Ничего, нам для своих нечего жалеть. Пока имеется – слава богу!

Виталий Альбертович посмотрел на Федора Константиновича и сказал вдруг:

– А сын-то у тебя – молодец! Смотри, быстрый какой... сколько ему лет-то будет? – оборвал он сам себя.

– Двадцать первый исполнился зимой.

– О! Вот и я говорю, а уже поди ты – с женой! Да еще с какой!

– Дурное дело нехитрое, – ответил Федор Константинович.

– Ладно тебе – дурное. Таковую еще поискать, – сказал Виталий Альбертович восхищенно, имея в виду Анечку.

– Посмотрим, – Федор Константинович ответил отчего-то без особого воодушевления.

– Ты все сердит? Пустое.

– Да я не то чтобы... – Федор Константинович не хотел говорить.

Оно ведь как бывает: пока молчишь, неизвестно еще, куда кривая выведет, а стоит только сказать, так непременно именно так и выйдет, если что плохое скажешь. А если хорошее, так непременно наоборот.

– Ладно, забудь, – закончил он. – Пойдем, а то заждались.

Они направились обратно в квартиру.

– Со стороны коридора имеется одна большая кладовая, – рассказывала Лалочка, – и еще вторая – поменьше – возле туалетных комнат. Ну вот, мы с вами все посмотрели. Да, еще имеются балконы, – в этот момент она из коридора заметила входящих мужчин, – но теперь холодно, так что выходить не будем, верно?

Лалочка сияла. Глядя на нее, Борис не мог понять, отчего это вдруг эти люди прониклись таким доверием к лицам совершенно посторонним, зачем показывают им свою квартиру с таким видом, будто те пришли в музей. Кому это нужно? Квартира, конечно, шикарная, слов нет. Но не стоит воображать, будто это нечто сверхъестественное. Ну есть у вас квартира, и ладно. Рады за вас, чего выставляться? Борис смотрел на Лалочку с некоторым изумлением, граничащим с неприязнью. К чему весь этот цирк? Да и было бы еще перед кем спектакли разыгрывать – неужели же перед нами. А мы-то ей кто?

Борис оглядывался на отца, ища в его лице ответы на свои вопросы, но Федор Константинович был непроницаемо спокоен и сдержан. Всем своим видом он показывал то, что объяснять ничего не намерен. По крайней мере, не сейчас.

– А теперь прошу всех к обеду, – пригласила радушная хозяйка гостей за накрытый в столовой большой овальный стол.

И каких только угощений не было на том столе! Легче сказать, чего там не было: не было пельменей, картофеля, салата оливье и селедки под шубой. Все остальное было изыскано, дорого и со вкусом: вина из французских провинций, коньяк... и дальше по списку товаров самых модных торговых домов Парижа и Лондона.

Откуда только взялось все это шикарное изобилие в провинциальном городе Орлове?

Таким вопросом задавался здесь не только Борис, но и Аня, и Валентина Матвеевна. Федор Константинович же воспринимал все это спокойно, или по крайней мере умело делал вид, что так и должно быть и что это в порядке вещей. Семейство конфузилось, не понимая, то происходит и отчего развязка затягивается.

Все сидели за столом, разглядывая кушанья, как экзотических животных в зоопарке, не зная, с какой стороны к ним подступиться. Лалочка заботливо ухаживала за гостями, предлагая попробовать всего понемножку. Виталий Альбертович наполнял рюмки и фужеры. Федор Константинович один сидел во главе стола гордо и степенно, как на свадьбе... на которой он так и не погулял.

– Предлагаю выпить за знакомство! – поднялся с места Виталий Альбертович. – Мы очень рады этой встрече и, надеюсь, взаимно! Борис, Анечка, Валентина Матвеевна, – он обратился к каждому лично, – будем знакомы!

Все с торжественными улыбками на лицах подняли бокалы и чокнулись друг с другом.

Потек слегка принужденный разговор малознакомых людей. Лалочка, как душа компании, не забывала ни о ком: знала какой кому задать вопрос, когда пошутить, когда предложить угощение. Виталий Альбертович жену во всем поддерживал, и напряжение постепенно спадало. Еще несколько тостов – за здоровье, за этот гостеприимный дом, за родителей, за мир во всем мире – и отношения были налажены. Все смеялись и говорили наперебой.

Тогда, предложив вновь наполнить бокалы, Федор Константинович попросил слова. Он поднялся со своего места, и все замерли, ожидая, что он скажет.

– Итак, – начал он, – мне хотелось бы поднять этот бокал за моих детей, Бориса и Анечку, – произнес он торжественно, как на свадьбе. – Живите дружно, любите друг друга, не ссорьтесь. Желаю вам счастья и долгих лет жизни...

Аня с Борисом недоуменно переглянулись. Чего это с ним? Конечно, им было лестно, что им оказано такое внимание, но с чего бы это здесь и теперь?

Все присоединились к словам отца и шумно стали поздравлять молодых. Федор Константинович постукал ножом по бокалу:

– Извините, я еще не закончил, – он обвел собрание таинственным взглядом, – а теперь позвольте самое главное: мы собрались здесь сегодня по тому поводу, что я приготовил вам, мои дорогие, – он посмотрел на Бориса и Аню, – небольшой сюрприз.

Федор Константинович выдержал паузу, но все и так слушали, затаив дыхание.

– А именно: я хочу в виде свадебного подарка преподнести вам от нас с матерью квартиру...

Ах! Ох! – вырвались у каждого удивленные вздохи.

– ...вернее, ту ее часть, что находится с противоположной стороны от центрального коридора. Чуть ранее вы уже имели возможность ознакомиться с вашими владениями, которые в данный момент представляют собой кабинет и гостиную...

О!!! – выдохнула почтенная публика.

– Итак, я официально заявляю, что с сегодняшнего дня эти две комнаты поступают не только в ваше безраздельное пользование, но и вашу собственность.

Некоторое время в столовой сохранялось абсолютное молчание.

Первой не выдержала Лариса Павловна:

– Мы постараемся освободить как можно скорее, – заверила она, – но вы можете пользоваться с сегодняшнего дня, как сказал дорогой наш уважаемый Федор Константинович, – мы препятствовать не станем, если только вас не стеснит наш, с позволения сказать, скарб.

Борис и Аня, от подобного заявления напрочь лишившиеся дара речи, никак не могли прийти в себя.

Борис чувствовал, как безнадежно краснеет. Он ничего не мог с собой поделать, оттого что чувство стыда было больше него самого. Отец! Он хотел бы сию же минуту «броситься к его ногам», вымаливая прощение за свой бездумный поступок и за все те мысли, что обуревали его последние полгода. Все те обиды и упреки, которые он мысленно посылал в адрес отца, лопнули, как воздушный пузырь, оставив по себе лишь неприятный осадок стыда и сознания собственной низости. Отец же, как всегда, остался стоять на недостижимой высоте. Он стоял, как столп, силами которого поддерживалось все единство семьи, и ничто не могло поколебать его веры и заботливого отношения к своим. И как только Борис осознал это, он готов был не только броситься к ногам, но и провалиться сквозь землю, бесконечно коря и презирая себя за низкое и недостойное поведение по отношению к отцу, за свои о нем мелкие мыслишки.

И словом не обмолвился за все это время! Как он мог? По всему видно, что давно уже припас этот подарок. К свадьбе... Да, хуже позора не случалось еще в жизни Бориса, который привык полагать о себе, что лучше многих.

Анечка же, напротив, воссияла, как утренняя звезда на светлом и чистом небосклоне. Она была счастлива, так счастлива, что сию же минуту хотела броситься на шею дорогому Федору Константиновичу и расцеловать его от всей души. Боже! Кто бы мог подумать?! Такое!!! Ее чувствительное сердце просто разрывалось от счастья, которое было столь огромно, что не могло уместиться в ней все целиком.

Она так и подпрыгнула с места, и в отличие от Бориса, только мечтавшего броситься к ногам отца, тотчас же бросилась свекру на шею, выражая свою безграничную благодарность бесконечным потоком слов в сравнительных и превосходных степенях. Спасибо!

Валентина Матвеевна не скрывала удивления. Федя? Откуда? По всему было видно, что она не была посвящена в планы мужа и теперь испытывала такой же шок, как и Борис с Аней. Но зачем было скрывать? – недоумевала она. – Мне-то можно было сказать? К чему все эти «парижские тайны»? Любит удивить. Валентина Матвеевна была сражена грандиозностью подарка и никак не могла взять в толк, каким это образом удалось Федору Константиновичу провернуть столь значительную сделку, ничем не обнаружив себя. Она никак не могла себе этого представить, точно так же, как и окончательно поверить в то, что это не розыгрыш и не мистификация. Но зная мужа, ей ничего не оставалось, как поверить.

Валентина Матвеевна поздравляла счастливых молодоженов, была искренне рада за них и высказывала надежду, что, отселившись, они, тем не менее, не забудут родителей и станут навещать их не реже одного раза в неделю.

Виталий Альбертович высказывал надежду на то, что взаимоотношения с новыми владельцами и соседями будут столь же продолжительными, и дружески-доверительными, и душа-в-душу-жительными, и какими угодно «-ительными», включая сюда упоительными и утешительными.

Лалочка не скупилась на выражения восторгов по поводу свалившегося на молодых неожиданного-негаданного счастья, а так же восторгов по поводу титанической фигуры отца, то есть Федора Константиновича, который в проявлениях щедрости и благородства не знает себе равных не только в этом городе, но и в целом мире.

И пошло веселье, покатилося, полетело, как сказал бы Достоевский, как с горы, увлекая за собой с утра еще не знакомых, а к обеду почти породнившихся хозяев и гостей, невероятным образом превратившихся в таких же точно хозяев этой шикарной квартиры в первом этаже элитного дома на центральной городской площади имени известного в прошлом благотворителя Петра Васильевича Оладина.

VII

Под вечер, отказавшись от десерта и оставив детей одних поближе познакомиться с будущими соседями, Федор Константинович и Валентина Матвеевна вернулись домой.

Валентина Матвеевна накрыла к чаю на кухне. Ей не терпелось узнать подробности, но Федор Константинович, отпивая черный обжигающий чай, рассказывать не спешил. Валентина Матвеевна терпеливо ждала, но наконец сдалась:

– Федя, ну, расскажи же, – попросила она.

– Что тебе рассказать? – усмехнулся Федор Константинович.

– Как что? Я тебя не понимаю, ей богу, да откуда квартира такая взялась, и кто, наконец, эти люди, и откуда ты их знаешь, и деньги откуда? Я ничего не понимаю, в самом деле.

Федор Константинович пожал плечами:

– Да чего рассказывать...

– Или это неправда? – засомневалась Валентина Матвеевна. – Розыгрыш?

– Да нет, ну что ты, – Федор Константинович решил жену успокоить. – Квартиру я действительно купил, вернее, две комнаты в той квартире, как ты уже, наверное, поняла.

– Поняла, поняла, только деньги откуда?

– Не спеши, давай уж все по порядку, – ответил Федор Константинович и поведал следующее: – На эту квартиру я напал года три назад: узнал, что профессор Яновский – это Виталий Альбертович, с которым ты имела честь сегодня познакомиться лично, так вот профессор Яновский, он, кстати сказать, сын того самого академика Яновского, ученого, историка, может, слышала?

Валентина Матвеевна покачала головой.

– Ну, не важно, так вот эта квартира принадлежала академику Яновскому – он ее получил от государства в знак благодарности за заслуги перед отечеством. Потом академик скоропостижно скончался, и квартира перешла к его единственному сыну – Виталию, который явился продолжателем дела отца, хотя и бесталанным, если уж говорить честь по чести. Было это довольно давно. Потом Виталий Альбертович, будучи уже в солидном возрасте, женился на Ларисе Павловне – бывшей театральной актрисе и птице не весть какого высокого полета. Но, видно, крепко она его охмурила, так что профессор свету белого не взвидел и был готов ради нее не все. А ей только того и нужно было, чтобы Виталий Альбертович на ней женился, причем сугубо официально. Разница в возрасте у них приличная – лет пятнадцать, если не больше – и понятное дело, что сам Виталий Альбертович Лалочку мало интересовал.

– Откуда ты знаешь? – вклинулась Валентина Матвеевна, которая свято верила в большую и чистую любовь.

– Раз говорю, значит, знаю, – коротко ответил Федор Константинович, – но если ты хочешь, чтобы я ошибался, пусть будет так. Тем более, что Лалочка, нужно заметить, человек, конечно, не самый плохой. И не известно еще, где бы был теперь сам Виталий Альбертович, не повстречай он своей музы. И он это понимал лучше, чем кто бы то ни было, а потому ни в чем своей Лалочке, как он ее называет, не отказывал. А она, ты знаешь, привыкла к шикарной жизни, хотя сама в общем-то из простой семьи. Но театр требует самоотдачи, так что вся жизнь постепенно превращается в театр, и перестаешь замечать, где правда, а где вымысел. Так она привела за собой и всю честную компанию: людей искусства, как они сами себя называют. И для Виталия Альбертовича началась совершенно новая жизнь: тихие посиделки с товарищами-учеными и соседями-любителями шахматной игры сменились бурными застольями и перформансами, околехудожественными беседами за полночь и постоянным присутствием никому не известных личностей, которые позволяли себе задерживаться в доме по несколько дней кряду, не спрашивая ни у кого на то разрешения. Жизнь была свободна и легка, напол-

ненна и красива. Лалочка с ее способностью вживаться в роль прекрасно справлялась с ролью верной и любящей жены, так что у Виталия не было повода чувствовать себя обманутым или одуроченным. Лариса Павловна умело использовала свое положение в своих целях, не забывая щедро одаривать Виталия Альбертовича тем, что он искал и наконец нашел в ее лице.

Виталий Альбертович постепенно спускал наследство отца, мало заботясь о последствиях. И не задумывался он ни о чем таком до тех самых пор, пока не попал в ситуацию весьма неприятную. Когда выяснилось, что денег больше нет, он попытался скрыть от Лалочки, что положение его плачевно, полагая, и скорее всего не без оснований, что милая Лалочка бросит его в тот же день. Нет, этого он допустить не мог. Он был готов лучше в долговую яму или даже на эшафот, лишь бы только не расставаться с своей прекрасной музой, вернувшей ему вторую молодость. И тогда Виталий Альбертович влез в долги, наивно полагая, что потом оно само как-нибудь уладится и снова станет, как было, то есть легко и весело, и беспечно. Не получилось. И тогда, чтобы расплатиться с долгами Виталию Альбертовичу пришлось принять трудное и волевое решение продать половину квартиры. Так мы с ним и встретились.

– И давно это было? – спросила Валентина Матвеевна, все еще отказывающаяся верить в то, что вся эта история каким-то образом прошла мимо нее.

– Это было, как я уже сказал, три года тому назад.

– Значит, уже после того, как ты дом Катерине с Володькой сделал?

– Уже после. Считай, четыре года прошло.

– Но откуда деньги? На дом мы всю жизнь копили...

– Ну уж, не преувеличивай...

– Нет, ты ответь – откуда деньги?

– Акции продал.

– Какие акции? – начинала сердиться Валентина Матвеевна, думая, что ее снова дурачат.

– С завода. Меня, знаешь ли, умные люди научили. Так что в те времена, когда всякий их за бесценок отдавал, я их за бесценок покупал. И набралось, я тебе скажу, не так уж мало. Все думали, что завод наш, так сказать, на ладан дышит, а оказалось наоборот. И вот когда он не только не развалился, но так поднялся, что за него драка пошла с топорами, так я те акции и продал, и весьма выгодно, как теперь сама видишь.

– Нет, но все-таки... – что-то у Валентины Матвеевны в голове все же не складывалось. – А потом? А в эти три года? И потом, я прекрасно помню, что ты Катерине постоянно помогал – неужели столько денег получил?

– Нет, на то у нас с Виталием Альбертовичем отдельный уговор был. Я сказал ему сразу, что квартиру для сына беру, в виде свадебного подарка, и соответственно, получит он ее не раньше, чем соберется жениться. Предполагая, что это будет еще не скоро, и чтобы комнаты зря не простаивали, мы с ним договорились, что за определенную ежемесячную плату Виталий Альбертович вернет себе временное право пользования этим жильем, потому как та сумма, что я ему заплатил, с лихвой покрыла все его долги, сохранив в остатке большую свою часть. А Виталию Альбертовичу требовалось некоторое время, чтобы подготовить Лалочку к мысли, что он теперь мало того, что беден, так еще и владелец всего половины квартиры, доставшейся от отца.

– Вот чудеса! – восхищалась Валентина Матвеевна неутомимым финансовым гением мужа. – Это что же выходит? У них квартиру купил, им же потом и сдал?

– Выходит, что так. И эти деньги как раз и пошли на обустройство семейного гнезда нашей дорогой доченьки.

– Да, раз ты такой умный, так вместо того, чтоб им деньги давать, лучше б Володьку научил, как их заработать.

– Ай, – махнул рукой Федор Константинович, – это дело тухлое.

– Отчего?

– Хотел бы, так давно бы сам заработал.

– Так он оттого и не хочет, что ты им постоянно даешь. «Папа дай то, папа помоги это», – передразнила она, – а ты и рад стараться.

– Ну, а кто виноват, что у нее такой муж? Это, знаешь ли, сердцу не прикажешь.

– Может, оно и так. Главное, что любят друг друга. Это самое главное. Дай бог, чтоб и Боря с Аней так же друг друга любили.

– Дай то бог, – согласился Федор Константинович, стараясь прогнать от себя мысли, одному ему ведомые.

– Но для чего все-таки понадобилось скрывать столько лет? Мне-то ты мог сказать, в конце концов? Не понимаю, – вернулась Валентина Матвеевна к тому, с чего начала.

– Знаешь, как говорится: что знают двое, то знают все. Так что, меньше знаешь, крепче спишь, – Федор Константинович улыбнулся и с нежностью пожал жене руку повыше запястья. – Не сердись.

Поздно вечером, возвращаясь домой, Борис медленно шел по проспекту, крепко обнимая жену за талию. Прижимая к себе, он, наклоняясь, целовал ее в губы, и чувствовал, как по телу разливалась горячая и томительная сладость. Первый мучительный приступ стыда прошел, развеянный парами коньяка пятнадцатилетней выдержки, и он верил, что прожил сегодня свой самый счастливый день.

Часть вторая. В ЛЮДЯХ

I

В первые дни мая, когда на центральной площади города Орлова на клумбах расцвели тюльпаны и нарциссы, Федор Константинович Лунгин, человек пожилой и весьма уважаемый, отправился на ту площадь, носящую имя известного местного благотворителя Петра Васильевича Оладина в дом номер двадцать шесть по Центральному проспекту в квартиру под номером сорок семь, чтобы убедиться, что все готово к приезду новых жильцов, и, если потребуется, отдать последние распоряжения.

Федор Константинович шел не спеша, ему было жарко в своем демисезонном полупальто серой масти, так что он расстегнулся и ослабил на шее захват кашне. Кепку он давно нес в руке, открывая голову все еще поросшую густой темной с проседью шевелюрой теплему весеннему ветру. Федор Константинович знал, что весеннее тепло обманчиво, но и в свои семьдесят шесть лет мог позволить себе обманываться, имея здоровье достаточно завидное. Он был по обыкновению бодр, строен и подтянут.

Итак, поутру в пятницу, когда часы на старом здании больницы – Федор Константинович много раз замечал эти часы и много раз думал о том, что неправильно иметь часы на главном корпусе больницы хотя бы потому, что тяжелым больным они непременно станут напоминать о том недолгом времени, которое им, возможно, осталось – так вот, когда эти часы показывали половину одиннадцатого, Федор Константинович шел осмотреть квартиру, а точнее те две комнаты, которые до недавнего времени принадлежали лично ему, а теперь перешли в собственность его счастливых молодоженов.

Да, именно так: щедрый отец преподнес своему сыну Борису и его жене Анечке эту квартиру в виде свадебного подарка, даже не смотря на то, что о той самой свадьбе узнал далеко не самым первым, да и то только после того, как она состоялась. Таким поступком сына Федор Константинович был не то что шокирован, но, прямо скажем, озадачен и плюс к тому раздосадован. И досада эта крылась даже не в том, что ему не удалось выступить по-царски, сидя при скоплении многочисленных родственников за большим праздничным столом одесную от жениха и торжественно объявляя во всеуслышание о приготовленном им щедром подарке, но в том, что он-то о сыне подумал и позаботился давно, а сын даже не посчитал нужным сообщить о своих намерениях – женился, не спросив его родительского благословения, а это, как полагал Федор Константинович, основываясь не столько на приметах народных, сколько на своем житейском опыте, дурной знак. Редко что хорошее выходило из таких скороспешных браков, тайно заключенных за родительской спиной. И Федор Константинович, хоть думу свою думал, но сыну искренне желал добра и благополучия. Он уважал его выбор, ни разу и словом не обмолвился о том, что девушка эта ему, мол, не пара, и, постановив, что это не его ума дело, не вмешивался и надеялся на то, что все у них сложится как нельзя лучше. Главное, что они любят друг друга, – говорил себе Федор Константинович, – и, может быть, именно им удастся стать тем счастливым исключением из правила.

Скрепя сердце, Федор Константинович постановил себе действовать так, как решил заранее, а именно: подарить-таки молодым квартиру, а точнее, ту ее часть, которую он и направлялся теперь проинспектировать.

Дом номер двадцать шесть по Центральному проспекту являл собой добротное десятиэтажное здание сталинских времен, когда пленные немцы строили мудро и на века. Этот дом был не простым домом, но в котором привыкла селиться интеллигенция и люди сплошь куль-

турных профессий, и квартиры в котором в те стародавние времена получали только товарищи особо заслуженные.

Именно таким человеком и был когда-то академик Альберт Витальевич Яновский, доктор исторических наук, действительный член Академии Наук СССР. Альберт Витальевич Яновский в общем занимался историей России, и в частности посвятил себя таким вопросам как: откуда есть пошла земля русская? в чем Правда русская? и кто и когда от нашего меча погибнет?

Таким образом, академик Яновский был выдающимся специалистом в области древнерусской истории, изучил все, что было написано по этому вопросу до него, сам написал множество научных трудов, сделал несколько открытий в понимании темных мест «Слова о полку Игореве», а так же множество других открытий, в большинстве своем явившихся открытиями лишь для специалистов, потому как народ наш в общей своей массе как не знал своей истории, так ею по-прежнему не интересовался. По такому поводу под старость Альберт Витальевич позволил себе себя же побаловать сочинительством исторических романов и своей беллетристической прославился уже не только в среде околонушной, но среди самого широко круга читателей.

Академик Яновский был в своей области светилом первой величины, в науке вообще – светилом заметным, в литературе – заметной фигурой, а в жизни – человеком слегка не от мира сего. Он был добр, мягок, доверчив и по-детски наивен в вопросах быта и вообще в тех вопросах, что касались его существования, не как существа одушевленного и в высшей степени одухотворенного, но как наделенного обликом телесным. Не будь Натальи Павловны, его первой и единственной жены, совершенно неизвестно, чем бы этот телесный облик академика Яновского питался, во что и как одевался и каким бы образом благополучно просуществовал до весьма преклонных лет.

Наталья Павловна же не только скрашивала своим незримым присутствием его домашнюю жизнь, но еще и родила ему сына, названного Виталием в честь деда. Так как Альберт Витальевич стал счастливым отцом в возрасте довольно солидном, а именно в сорок девять лет, то сына своего он любил безмерно, отчего нещадно баловал и позволял все, что заблагорассудится в том смысле, что чего только рассудок не пожелает во благо. Конечно, отсюда исключались такие вещи, как поджигание антикварных диванов, изрывание старинных фолиантов на самолетики, дорисовывание мало известных картин передвижников до более известных и прочие шалости этого направления.

Будучи трижды порот отцовским ремнем, пусть только в виде устрашения, а не реального телесного наказания, маленький Виталик тут же переключился на вещи менее ценные. Он обклеил уродливыми переводилками весь кафель в кухне, создал на новом линолеуме, постеленном в кладовой, линогравюру, довел до совершенства обои в прихожей, выстриг маникюрными ножницами, незаметно похищенными у матери, волшебные круги на коврах и однажды в виде исключения испек праздничный пирог. Но исключения не получилось, соседи вызвали пожарных и только вовремя подоспевшей из магазина Наталье Павловне каким-то чудом удалось спасти свою кухню от хлещущего водой и пеной пожарного брандспойта.

С тех пор решено было маленького Виталика дома одного не оставлять ни под каким видом, и в возрасте пяти лет с ревом и криками о помощи он был отправлен в детский сад. Воспитательница, как ни странно, очень быстро нашла с ним общий язык, вернее, сделала свой собственный язык общим для обоих. Быстро пережив жесточайшую ломку, Виталик уже через пару недель был влюблен в воспитательницу сильнее, чем даже в собственную мать. В мгновение ока он стал внимательным и терпеливым, принялся интересоваться устным счетом и чтением слогов, собирал из конструктора невероятные замки и лучше всех в группе завязывал шнурки.

Заметив такие счастливые перемены в сыне, Альберт Витальевич поспешил выразить воспитательнице свою безграничную благодарность, ограниченную краями шоколадной коробки и стенками бутылки рижского бальзама, и тут же нацелился на то, чтобы привлечь Виталика к вопросам, которыми страстно интересовался сам и развить в нем любовь к истории собственной страны. Частенько по вечерам он садился в большое вольтеровское кресло под торшер, сажал к себе на колени сына и часами рассказывал ему занимательные были и небылицы старины глубокой, показывая красочные картинки в книге. Виталик на картинки смотрел, истории слушал, запоминал все, как было, а потом рассказывал в детском саду, но несколько в своей интерпретации. Слушая его с замиранием сердца во время тихого часа, дети вместо того, чтобы спать, начинали кто плакать, а кто изображать Ледовое побоище, кидаясь тапками, как копьями, и заслоняясь подушками, как щитами. Одежда льдинами трещала под копытами тевтонских коней и завернутые в матрасы, рыцари гибли, задыхаясь...

Темная комната на какое-то время стала для Виталика надежным прибежищем, но даже после того он не потерял своего горячего интереса к истории и в дальнейшем пошел по стопам отца.

Множество открытий и чудес ждало его под обложками книг, прятавшихся в старинных отцовских книжных шкафах из карельской березы. Он читал все подряд, не делая различий между красивыми дорогими книгами и замухрышками в мягкой обложке, между букинистическими редкостями и ширпотребом. Находя заметки на полях, он считал своим долгом немедленно оставить свои, и таким образом подавляющее большинство книг, к которым хоть однажды прикасалась его рука, оказались испещрены его мыслями, высказанными не всегда по существу. Но отец был воистину счастлив, наблюдая такой стихийный интерес сына к делу, которому сам он отдал всю жизнь.

Обладая памятью почти феноменальной, Виталик помнил множество подробностей, дат, событий, названий и имен, но все эти сведения отчего-то никак не складывались в его голове в единую систему. Он не мог разделить все, что помнил, на важное и неважное, на события ключевые и побочные. И как не было для него разницы в книгах, точно так же не различал он и их содержание. К ужасу своего отца, у которого просто в голове не укладывалось, как вообще такое возможно, мимо Виталика с легкостью могла пройти Куликовская битва со всеми ее последствиями и значениями, став в один ряд с княжескими междоусобицами и не оставив по себе ни малейшего впечатления значительности, и в то же самое время он мог с упоением и во всех подробностях часами рассказывать о том, как Великий князь Святополк, похититель престола, не насытившись кровью братьев своих, повелел догнать князя Древлянского Святослава и лишить его жизни близ Карпатских гор.

Альберт Витальевич много сил потратил на то, чтобы сын его уяснил себе общее понимание истории, как процесса, где все последующее тем или иным боком вытекает из предыдущего, что есть законы развития и перехода от одного к другому, что ничто не проходит бесследно и не исчезает незамеченным в темном потоке времени, освещенным для историка, как уличными фонарями, документами и свидетельствами, оставленными современниками на обочине тех или иных событий. Нет, для Виталика все равно плавало в мутной воде, из которой он, как незадачливый рыбак, вылавливал то, что само шло на крючок.

Неизменно производя на окружающих впечатление блестящего знатока русской истории, Виталик всякий раз до смерти огорчал отца своей полнейшей некомпетенцией в предмете. И тот не мог простить себе, что сын академика полный ноль в тех вопросах, которыми сам Альберт Витальевич занимается профессионально. Но это была только его личная и тайная боль и беда. В глазах остальных Виталик выглядел настоящим сыном академика, доктора исторических наук.

А потому в школе по истории его никогда с пристрастием не допрашивали, так как знал он много такого, о чем сама учительница никогда и не слышала. Она часто и с удоволь-

ствием прибегала к его помощи, когда нужно было расцветить сухой учебный материал яркими историями и эпизодами из тех времен, поведать о жизни того или иного исторического лица или дополнить подробностями кратко изложенные исторические факты. А Виталика хлебом не корми – дай только побаять всласть. Кажется, задавленный бесталанным историком, в нем погиб великолепный актер театра одного актера. Он играл самозабвенно и за всех сразу, мгновенно перевоплощаясь из образа в образ и заполняя собой пространство без остатка. Создавалось такое впечатление, что это не один, а множество Виталиков плетут интриги, выясняют отношения и сражаются на мечах, отстаивая честь свою и своего господина.

Так, неизменную пятерку в четверти он честно отработывал, невзирая на подозрения отца и требования относиться к сыну строже и спрашивать не так, как с других. Но оценки совсем не нужны и не важны были Виталику. Он учился легко и непринужденно, все помнил и ко всему проявлял интерес. По физике он помнил все формулы и биографии всех ученых, и не смотря на то, что плохо справлялся с задачами, тоже имел высший балл. По литературе без устали читал наизусть стихи, по биологии помнил все названия живых организмов и их частей, по географии знал не только то, что Волга впадает в Каспийское море, но даже что пять скалистых островов на южном берегу Аравийского полуострова носят название Курия-Мурия.

Таким образом Виталик окончил школу с золотой медалью и поступил на исторический факультет Пединститута. Отец давно понял, что ученого из Виталика не выйдет, а сам Виталик хотел преподавать, хотя бы таким образом компенсировав задушенное в зачатке стремление к актерскому искусству. Дело в том, что ему даже и в голову не приходило перечить отцу и противиться его желанию видеть в единственном сыне продолжателя дела всей своей жизни.

История так история, – согласился сын, окончил институт с красным дипломом, тут же не без помощи отца написал диссертацию, получил звание кандидата наук и с чистым сердцем направился на кафедру местного Орловского гуманитарного института преподавать историю России в целом и отдельно спецкурс по истории русского купечества. Он написал несколько книг, защитил докторскую диссертацию, получил место доцента, чем несказанно порадовал Альберта Витальевича перед самой кончиной. Академик покинул этот свет тихо и мирно в возрасте восьмидесяти четырех лет, оставив квартиру и все движимое имущество своей жене Наталье Павловне и сыну. Но Наталья Павловна не долго переживала разлуку с мужем, которую так и не смогла пережить. Через полгода она последовала за Альбертом Витальевичем, оставив сына одного безраздельным хозяином огромной четырехкомнатной квартиры на площади Оладина.

К тому времени Виталию Альбертовичу исполнилось не много не мало тридцать пять лет. Остался он совершенно одинок, и если раньше мысль о том, чтобы жениться даже не приходила ему в голову, то теперь, слоняясь в одиночестве по пустой квартире, он всерьез подумывал, что это дело стоящее.

На поиски невесты ушло еще несколько лет – чем старше человек, тем сложнее найти ему того, с кем захочется разделить остаток жизни. И если в молодости ослепляют достоинства, то в зрелом возрасте лезут в глаза недостатки. Виталий Альбертович не сказать, чтоб отчаялся, но разочаровался изрядно, как вдруг!

Вдруг появилась Лариса.

Это произошло совершенно случайно, как все самое лучшее, что с нами происходит в жизни. Однажды зимой, в декабре, Виталий Альбертович с приятелем-профессором из института отправились в местный Музыкальный театр на спектакль гастрوليрующей труппы Волынского театра оперетты. Там, на сцене он и увидел впервые свою Лалочку, как привык нежно называть жену. Она играла Эвридику в оперетте Оффенбаха «Орфей в аду». Как она пела! Обладая пусть и не самым выдающимся лирическим сопрано, Лариса Двигубина благодаря своей чрезвычайной музыкальности в совершенстве владела музыкальной фразой, чем покоряла сердца зрителей, пусть даже самых искушенных.

Виталий Альбертович к числу искушенных ценителей оперы и оперетты явно не принадлежал, но все глаза в бинокль проглядел: вот он гений чистой красоты, вот она его муза, та единственная, которую он столько раз воображал себе в мечтах. Но...

Виталий Альбертович так же не мог назвать себя и искусственным обольстителем-разрушителем дамских сердец, так что его мечты о Ларисе едва ли не остались только мечтами. Он не мог себе представить, как может он, профессор, уважаемый и небезызвестный в городе человек, бросаться к ногам актрисы, уподобляясь желторотому юнцу или фанатичному поклоннику. Но иначе он не представлял себе, как сможет с ней познакомиться. В запасе еще было время: гастроли должны были продлиться до Нового года, после чего труппа возвращалась в родной театр.

Виталий Альбертович посетил спектакль еще несколько раз, с каждым разом убеждаясь все больше и больше, что от Ларисы Павловны Двигубиной он просто без ума. Но время стремительно уходило, а Виталий Альбертович кроме своих мечтаний ни в чем ином не продвинулся ни на шаг. Он все никак не мог решиться, никак не мог придумать повода, чтобы приблизиться, или набраться наглости и зайти в гримуборную после спектакля, или хотя бы подбежать на улице с цветами. Он корил себя за то, что так слаб, что и единственный раз в жизни не в силах сотворить свою судьбу своими, так сказать, руками, он клялся себе, что вот сегодня непременно... ну, уж завтра обязательно...

Так и дождался, что последний спектакль закончился, и опустил занавес, навсегда отделив прекрасную Ларису от прикованных к ней глаз ее тайного воздыхателя. Даже в такой ситуации, когда стало предельно ясно, что или сейчас или никогда, Виталий Альбертович спасовал. Эх!

В отчаянии и безнадежной тоске возвращался он с последнего спектакля в свой пустой и холодный дом. Он остался без ужина, который давно некому было приготовить, а самому – хватило только сил, чтобы откупорить бутылку сомнительного портвейна и приложиться к ней, сделав большой согревающий глоток.

Второй глоток он совершить не успел, так как его крошечное, затерявшееся впотьмах одиночество нарушил внезапный телефонный звонок. Поначалу Виталий Альбертович подходить не хотел, но телефон настойчиво требовал внимания к себе, и Виталий Альбертович сдался.

– Аллю! – произнес он безжизненно.

– Виталий, это ты? – спросил голос в трубке.

– А кого ты ожидал услышать? – ответил хозяин, сам смутно догадываясь о личности на том конце провода.

– Извини, не признал, случилось что? Голос у тебя какой-то странный.

– Да нет, – он вздохнул, – ничего. А ты чего звонишь? Ночь на дворе.

– Какая ночь? Еще одиннадцати нет. Но я к тебе, кстати, как раз по поводу ночи, только новогодней. У тебя, вообще, какие планы имеются?

Виталий Альбертович незримо для собеседника пожал плечами:

– Пока не знаю, а что?

– У меня к тебе предложение: в гости хочу напроситься, если ты, конечно, не против?

– Я не знаю... – предложение было неожиданным и в данную минуту Виталию Альбертовичу меньше всего хотелось думать о каком-то празднике. – Приходи, если хочешь, – он снова равнодушно пожал плечами.

– Отлично, – возликовал таинственный собеседник, – только я буду не один, – повисла многообещающая пауза.

– А с кем?

– С женщинами. Одна моя хорошая знакомая, а другая тоже, – он помолчал, подбирая слова, – случайно встретились, она здесь проездом. Я вас познакомлю, обещаю, она тебе понравится.

– Хорошо, – согласился Виталий Альбертович, – приходите. Я что-нибудь соберу...

– Ничего не нужно, прошу тебя, не беспокойся. Я все устрою, идет?

– Как скажешь, – легко уступил Виталий Альбертович.

– Отлично! Тогда до завтра!

Таинственный собеседник исчез.

Повесив трубку на рычаг, Виталий Альбертович изумился: а ведь и вправду завтра Новый год, а я и забыл совсем. Хорошо, что Жорик мне напомнил, а то так и остался бы в прошлом невесть до каких времен. Эх! – сказал себе – Виталий Альбертович, – видно не по Сеньке шапка. А раз так, так нечего и горевать.

Жорик, то есть Георгий Михайлович Золотов, был Виталию Альбертовичу добрым и давнишним компаньоном по игре в шахматы. Они познакомились в одном шахматном клубе, вернее, в одном на весь славный город Орлов шахматном клубе, куда профессор Яновский после смерти родителя взял себе в привычку ходить по воскресеньям.

Виталий Альбертович был игроком хоть и не профессиональным, но страстным. Не было случая упомянуть, но тем не менее, сам академик Альберт Витальевич Яновский в шахматах много себе понимал и сына пристрастил так, что ни одного воскресенья не проходило у них без партии в шахматы, которую они разыгрывали артистично, словно два лучших теннисиста на кубке Уйблдона. Зрители, правда, на их матчи не стекались бушующим потоком, но отец с сыном, захваченные поэзией шахматных дебютов, все равно не замечали ничего вокруг.

Завершив партию и проследовав в столовую на традиционный не меньше, чем в Англии, файв-о-клок, они возбужденно обсуждали неиспользованные возможности друг друга или, напротив, удачные комбинации и смелые ходы. Наталья Павловна подавала чай с пирогом и не могла нарадоваться на своих мужчин, которые в ее глазах были умнейшими и достойнейшими людьми своего времени.

По смерти же отца, а вскоре и матери, Виталий Альбертович стал ощущать себя в мире, словно утлое суденышко, сорвавшееся с привязи и неумолимо уносимое в открытое море. Он совершенно неожиданно для себя оказался один на один с бескрайними и неизведанными просторами окружающего мира. Когда разрушились законы и традиции, придававшие его существованию бездумную осмысленность каждого дня, он совершенно растерялся, и потерянный кружил по городу без срока и без цели, пока вдруг случайно не наткнулся на шахматный клуб, устроенный в одном из старых павильонов городского парка.

В том клубе он и повстречал Георгия Михайловича Золотова, которого, впрочем, никто и никогда не называл иначе, чем Жорик, даже не смотря на то, что было ему на тот момент не менее тридцати лет и что был он в том клубе некоронованным королем и признанным мастером сеансов одновременной игры. В недалеком прошлом Жорик играл в шахматы профессионально, имел разряды и участвовал во всех возможных соревнованиях, по итогам которых его разряды непременно повышались. Ко всему прочему, имея почти такую же феноменальную, как у Виталия Альбертовича, память, он помнил наизусть около ста лучших шахматных партий мира, от первого хода до последнего, прекрасно разбирался во французской и итальянской защите, мог разыграть победную партию из сорока ходов, девятнадцать из которых были бы сделаны конями, был виртуозом эндшпиля и головокружительных по своей смелости гамбитов, а так же мог черными обыграть любого перворазрядника, лежа на кровати с непроницаемым платком на лице.

Вот с таким человеком свела судьба Виталия Альбертовича Яновского, чему он был по правде несказанно рад. Жорик был веселым, немного ироничным, но легким в общении

человеком. Он не делал принципиальной разницы между студентом и профессором, приходившими в клуб, ценил только внутренние качества, безошибочно различая в человеке одаренность и артистизм. Жорик всегда ходил в кепке набекрень, в бесформенных штанах и спортивных кофтах в обтяжку, любил высокие ботинки на шнуровке и на толстой подошве и цветные платки вместо галстуков, которых никогда не носил. Он был высок, строен, черноволос и черноглаз, имел правильные, словно вырезанные из камня самим Фидием черты лица, но не холодные, а живые и одухотворенные. Он был насмешлив, редко говорил прямо и всерьез, держался легко и раскованно, следуя по жизни, словно по сверкающему подиуму, где демонстрируют умопомрачительные наряды, но который узок и скользок, и ошибок не прощает.

Жорик мгновенно распознал в Виталии Альбертовиче того самого товарища, которого ему давно не хватало и о котором он так давно и тщетно мечтал. А профессор Яновский в свою очередь с первого дня проникся свойственной Георгию Михайловичу простотой и легкостью в общении, пусть не обманчивой, но скрывавшей от тех, кто не мог или не хотел замечать, пытливый гибкий ум, широкий кругозор и уникальную способность к перевоплощению.

Везде, где только появлялся, Жорик был душой компании и кумиром женщин, которые валились без чувств к его ногам. Но женщин он своим вниманием не баловал, смеясь переступал через лишившихся чувств красоток и предпочитал держаться от них на расстоянии. Будет время, и он, возможно сам поведаст Виталию Альбертовичу, а вместе с ним и нам о своих горестях и напастях, и о том трагическом случае, разом перевернувшим всю его жизнь. Теперь же нам следует вернуться к судьбе самого Виталия Альбертовича и к той роли, какую Жорик сыграл в ней, сам того не подозревая.

II

Следующим вечером накануне Нового года Виталий Альбертович Яновский встречал у себя честную компанию. Он как мог подготовился, соорудил искусственную елку, навешал на нее игрушек и лампочек, посадил в ватный сугроб Деда Мороза со Снегуркой, разложил в столовой большой стол и уставил его всем, что только смог нарыть в закромах двух кладовых и бездонных кухонных шкафов. Вышло не так уж плохо, как сам он сначала предполагал.

Когда в прихожей раздался звонок, напоминающий бой старинных часов с перезвоном, Виталий Альбертович направился встречать дорогих гостей одетым в черный бархатный камзол с бабочкой.

Жорик, как и обещал, явился в компании двух прекрасных дам. Хозяин вежливо пропустил шумную компанию в прихожую, помог дамам снять припорошенные снегом шубы и тут – о, чудо! Профессор Яновский от изумления чуть было не лишился чувств в самом прямом смысле этого слова, когда увидел прямо перед собой женщину своей мечты. У него прямо сердце зашло от волнения, он покраснел, стал неловок, все у него валилось из рук и язык прямо-таки отнялся.

Жорик же разливался что соловей в майскую ночь. Он спешил уделить внимание всем сразу, он торопился представить гостей и хозяина друг другу, так что обширная прихожая профессорской квартиры была тесна даже для него одного.

– Познакомьтесь, дорогие дамы, – вещал он, – перед вами мой лучший друг и главный соперник, впрочем, не только в шахматных баталиях, – уточнил он доверительным тоном, – доцент кафедры истории Орловского государственного гуманитарного института, профессор Виталий Альбертович Яновский собственной персоной.

Виталий Альбертович церемонно поклонился, щелкнув каблуками.

– О! Профессор! Как мило!

– Ах, месье профессоре! Салют!

– Виталий Альбертович, прошу любить и жаловать, – начал он, представляя свою давнюю подругу, – Анжела, любительница пинакотек и прочих собраний, а так же собачек ростом не выше двух дюймов и карточной игры в преферанс.

Виталий Альбертович едва приложился к руке в тонкой кружевной перчатке, ощутив запах дорогих французских духов.

– А теперь, вы только представьте – прима Волынского драматического театра Лариса Павловна Двигубина, прошу! – воскликнул он, как конферансье, представляющий центральный номер цирковой программы.

О! Виталий Альбертович глазам своим не верил, как не верил он и своему счастью, которое само нашло его неожиданно-негаданно. И какими только именами не нарекал он в душе своего прекрасного Жорика: и доброго гения, и ангела-спасителя, и лучшего и единственного друга, и волшебника, обращающего мечты в реальность.

– О! – выдохнул Виталий Альбертович, едва владея собой. – Я так рад, так рад!

В жизни Лариса Павловна оказалась еще прекраснее и милее, чем на сцене. Театральный грим скрывал нежный румянец ее свежей молодой кожи, объемные платья скрывали фигуру. Теперь же она предстала во всей своей реальной прелести и красоте: тонкая, хрупкая, изящная, как фарфоровая статуэтка с формами, какие пожелал бы вылепить самый капризный скульптор, с детским личиком, на котором светились яркие голубые глаза и горели рубиновые губки. Здесь она показалась Виталию Альбертовичу еще моложе и приятнее, словно белая утренняя лилия, раскрывающая свои упругие лепестки, источающие тончайший и сладостный аромат. О!

– Лариса Павловна...

– Ах, позвольте – сколько вам лет, если не секрет? – вдруг обратилась она к профессору без предисловий.

– Почти сорок, а что?

– И вы желаете, чтобы я называла вас по имени-отчеству?

– Да нет, совсем нет... – терялся профессор Яновский.

– В таком случае к черту условности, всякие там «павловны» и «альбертовичи», давайте будем как люди! – провозгласила она, ослепительно улыбаясь. – Зовите меня просто Лала. Жорик! – обратилась она к нему. – Жорик! Ты чудо! Ты – мой ангел-спаситель, – внезапно озвучила Лала мысли Виталия Альбертовича с такой легкостью, что он даже позавидовал, как могут быть люди столь свободны, раскованы и непосредственно-вольны. – Ты спас меня от чудовищной участи, поджидавшей меня!

– Это провести Новогоднюю ночь в узком кругу твоих соплеменников? – съязвил он.

– Именно! – восхищенно возглашала она, словно на сцене. – За это проси, что хочешь! Выполню любое твоё желание! Да, да, я не вру.

– В таком случае, – потребовал Жорик, подыгрывая ей в роли короля, отдающего приказы, – марш на кухню, и чтобы через полчаса все угощение было на столе! До двенадцати часов, когда принцессы обычно превращаются в кухарок осталось не так много времени, так что если хочешь, чтобы с тобой случилось наоборот – поспеши!

– У! – произнесла Лала наигранно-огорченно. – Я думала, ты потребуешь что-нибудь более существенное. Такое, может, раз в жизни случается, а ты – в кухню, – передразнила она его.

– А ты ожидала, что я захочу провести ночь в девичьей спальне? Так что ли?

Лала лукаво улыбнулась, делая вид, что прячется за веер, и ответила неопределенно:

– Может быть...

Повисла старательно выдерживаемая пауза, после чего они оба прыснули.

Засмеялась и Анжела, тоненьким деланным смехом, и Виталий Альбертович, впрочем, плохо понимавший пока, что происходит, и откуда Жорик раздобыл этих красавиц, с которыми позволяет себе обращаться так, словно вырос с ними в одной песочнице.

– Виталик, последние распоряжения на кухне, после чего мы с тобой рассядемся с трубками на диванах, а наши феи позаботятся о том, чтобы нам всем не пришлось скучать за праздничным столом! – скомандовал Жорик.

Виталий Альбертович не совсем проник во взаимоотношения этой странной троицы, и все же ему было неловко оставлять женщин одних за работой в доме, где они гости. Тем более таких женщин...

– Жора, ты думаешь это удобно? – едва слышным шепотом обратился к нему профессор.

– А что здесь такого? – отвечал Жорик в полный голос. – Или ты предлагаешь поменяться ролями? Чтобы мы в кухню, а они на диваны? В принципе, я не против, а вы, красавицы мои?

– Вместо того, чтобы паясничать, давно бы уже отнес пакеты, – прошептала в ответ Лала, – и можешь идти, куда глаза глядят, хоть на край света. Только не забудь вернуться к тому моменту, как твоя кухарка превратится в принцессу.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся он, и сделал жест Виталию Альбертовичу следовать за ним в комнату.

– Жора, я удивлен! – начал Виталий Альбертович, пребывая в жутком нервном возбуждении. – Ты знаком с самой Ларисой Двигубиной?! Но как?!

Жорик, казалось бы, мельком глянул в сторону профессора и ответил, как всегда, запросто:

– А что тебя удивляет? Мы с ней знакомы еще с тех самых времен, когда она была официанткой в театральном буфете, а я в том буфете как раз... – он помолчал, чему-то улыбаясь, – изображал бармена! – закончил он то ли в шутку, то ли всерьез.

– Эх, Жора, – произнес с досадой Виталий Альбертович, – вечно ты шутишь, и не поймешь, где у тебя правда, а где... – он не закончил.

– Не вру, ей богу, не вру, – с жаром заверил Жорик, – а вот откуда ты знаешь нашу прекрасную Ларису – это вопрос!

– Знаешь, я был в театре, и я просто восхищен ее талантом, ее игрой! У меня даже нет слов, чтобы выразить свои чувства...

– погоди, – прервал его Жорик на самом взлете, – ты не по адресу, оттого у тебя и слов нет, – подмигнул он хитро, как старый лис, – а чувства свои выразить поспеши, пока она здесь и совершенно сво-бод-на, – закончил он, приложив ладонь ко рту с видом заговорщика-доброжелателя, приоткрывающего тайну.

– Но... – Виталий Альбертович был явно застигнут врасплох.

Он не был готов к столь стремительному повороту, стыдился своих чувств и того, что его так легко раскрыли, он не привык посвящать кого-либо в свои сердечные дела и не умел действовать столь решительно и молниеносно, как ему предлагалось.

– Без «но», Вит! – осадил его Жорик. – Оставь ты в покое свои предрассудки! «Давайте будем как люди!» – вот наш девиз на сегодня. И пусть это станет твоей Новогодней сказкой, – Жорик крепко сжал плечо Виталия Альбертовича, словно ободряя его и возбуждая на подвиги.

– Но я не могу вот так сразу, – смешался тот, – я не знаю...

– Профессор, а всему тебя учить приходится, – вздохнул Жорик с насмешкой, – ну, чего тут знать: расскажи ей про Алешу Поповича, как ты умеешь, пару комплиментов, бокальчик вина, анекдот в тему, стихотворение о любви – и она твоя.

– Ты думаешь? – с сомнением произнес Виталий Альбертович.

– Я не думаю, я знаю.

– Мальчики! – в гостиную кошачьей походкой вошла Анжела. – Мальчики! Банкет этр прэ, – сообщила она грациозно, – сильвупле к столу! Жорж, шампань!

Анжела была красива, и знала это как никто. Она была высока и стройна, двигалась плавно, говорила, жеманясь, русский вперемежку с французским. Она носила высокие шпильки, перчатки до локтя, легкие блузки с глубоким декольте, юбки в обтяжку, ажурные чулки и много дорогих украшений на пальцах, на руках, на шее и в ушах. Она любила демонстрировать свои тонкие руки и ноги, привлекая взгляды картинными отточенными движениями. Ее длинные волосы, причудливо уложенные в прическу локонами, отливали натуральным золотом, не оставляя равнодушным ни одного мужчину. Она курила длинные сигареты через еще более длинный мундштук и всем своим видом являла образ женщины ради которой только и рождаются на свет мужчины. С Жориком они могли бы составить отличную пару в стиле «Salon Modern», если бы только воспринимали друг друга, как существ противоположного пола.

Но нет. Жорик всем своим видом и поведением обнаруживал то, что они все втроем, включая Ларису, вовсе не те, за кого себя выдают, и что все они вместе просто хорошие актеры, которым однажды выпавшая роль пришлась настолько по душе, что маски навсегда приросли к лицам, а костюмы заменили собой одежды. Каждый знал о себе нечто, что стремился скрыть под личиной. И Жорик с Ларисой скрывали только это «нечто», Анжела же хотела скрыть и то, что скрывает.

Виталий Альбертович был выбран единственным зрителем, умело разыгранной перед ним сказки, но он, как тот самый чудак, что бросается на сцену, чтобы не позволить свершиться несправедливости, погрузился в вымышленное, как в настоящее, до такой степени, что сказка для него обернулась былью.

Проще говоря, Лариса Павловна Двигубина не только ответила взаимностью на его поначалу неумелые и корявые ухаживания, но и сама дала понять в довольно недвусмысленной форме, что готова продолжить это приятное волшебное романтическое знакомство как можно скорее, в том смысле...

Виталий Альбертович намек понял, и покраснел от того, что понял. Он абсолютно не был готов к такому стремительному развитию событий. Боже! Боже мой! – твердил он про себя. – Неужели я не сплю? Но тогда откуда все это?! О! Боже мой!

Виталий Альбертович не верил в любовь с первого взгляда, особенно в такую, когда ей – чуть за двадцать, ему же – почти сорок. Но готов был поверить во что угодно, лишь бы Лариса осталась бы с ним навсегда. О, сколько раз мечтал он об этом и сколько раз отчаивался в подобных мечтах! Сколько раз взывал к святым и сколько раз разочаровывался в подобных воззваниях. Он мучился и страдал, когда она была недостижимо далеко. Когда же она оказалась близко, так близко, так головокружительно близко, он мучился и страдал еще сильнее во сто крат. Но мучение это было сладостным, невозможно, просто невероятно сладостным и желанным.

Так случилось, что Лариса не вернулась с театром с гастролей в родной город Волыньск. Она вообще больше не вернулась в театр, в скором времени выйдя замуж за Виталия Альбертовича, сменила фамилию с Двигубиной на Яновскую и прочно обосновалась в шикарной четырехкомнатной квартире профессора, тут же обустроив пару комнат под свой собственный салон и будуар. Она придерживалась того убеждения, что не следует выходить из однажды удачно найденного образа, а потому предпочла и далее вести жизнь светскую и красивую во всех отношениях.

Виталий Альбертович тоже нашел, что искал. Его Лалочка, как он нежно называл свою жену, теперь была с ним, и, как он искренне верил, навсегда. Она прекрасно справлялась с ролью внимательной, любящей и честной жены, наполняя каждый новый день профессора абсолютно новым, неизведанным и счастливым смыслом. Она в буквальном смысле оживила его, как оживила и его заброшенный дом. Она принесла с собой то ощущение беспричинной радости, какое свойственно только молодым и какое сам Виталий Альбертович даже не помнил, когда утратил.

Лариса, милая его Лалочка, вдохнула в него новую счастливую жизнь. Он любил ее безмерно, так, как любят в последний раз, и ради нее был готов буквально на все. Но ей не нужно было много – только крыша над головой, муж, в котором можно быть уверенной, что не сбежит, не бросит и из дому не выгонит, и некоторая довольно круглая сумма в месяц на наряды и развлечения. Все это у нее теперь было, и больше Ларисе Павловне как женщине честной перед другими, точно так же как и перед собой, нечего было желать.

Она открыла свой салон по типу светских салонов девятнадцатого века, где по пятницам блистала ничуть не меньше, чем будучи примой Волынского театра оперетты, и куда охотно стекалась публика самая разная. Ловко воспользовавшись своей пока еще не померкшей славой, она создала вокруг себя то общество, для которого оставалась звездой первой величины даже тогда, когда в театральной среде о ней давно прочно позабыли.

* * *

Все это случилось лет пятнадцать назад. С тех пор много воды утекло, но Виталий Альбертович и Лалочка все еще были вместе, хотя, возможно, именно ради этого профессору и пришлось лишиться ровно половины квартиры, доставшейся когда-то от отца.

Вот ту вторую половину, которой три с лишним года назад лишился профессор Яновский, и шел «проинспектировать», по его собственному выражению, Федор Константинович Лунгин теплым майским утром.

III

Лалочка встречала Федора Константиновича в прихожей как всегда прекрасная в своем расписном наряде птицы кеттуалей.

– Проходите, проходите, дорогой Федор Константинович, – радостно приветствовала она его, – ждем вас, давно ждем.

– Ну что вы, не стоило, – усмехнулся Федор Константинович, отвечая ей в тон. – Я всего на минутку.

– Что ж и чаю с нами не попьете? – изумилась Лалочка. – А я приготовила... Или вы спешите, дела у вас?

– Спешу, но не настолько, чтоб не составить вам компанию, дорогая Лариса Павловна, – успокоил ее Федор Константинович. – А потому, чтоб не терять времени даром, перейдем сразу к делу.

– Да-да, конечно, пойдемте, – Лалочка поспешила вперед по коридору, стуча каблучками сабо и размахивая широченными рукавами халата, как крыльями. – Мы, конечно, не все успели убрать, но вы нас простите, – проговорила она то ли просительно то ли вопросительно, и, увидев в лице Федора Константиновича понимание, тут же продолжила, оправдываясь и объясняя: – Сами понимаете, невозможно все в одну комнату впихнуть, а потом, я так подумала, что, может быть, вашим какие-то шкафы понадобятся, или, допустим, кровать? Мы-то не против, пусть пользуются, все равно без дела стоит, и библиотека, там, книги – всегда пожалуйста. Как вы считаете?

– Это уж вы сами договаривайтесь, как решите, так и будет, я теперь свои полномочия сдал...

– Оформили документы? Да?

– Да, все оформил, о том, собственно, и пришел сказать. Что мои завтра собираются пожаловать, и чтоб для вас это не было...

– Ну, что вы, Федор Константинович, мы, можно сказать, со дня на день ждем. Виталий ключи вот новые сделал, два комплекта.

– О, большое спасибо, – Федор Константинович заметил и оценил такую заботу. – А сам он, кстати, где? Нет его?

– Нет, на работу вызвали, какая-то там консультация его понадобилась, так что если придет, то не раньше двух-трех. Но вы, если хотите, можете подождать.

– Да нет, я так спросил. Впрочем, раз уж разговор зашел, вам скажу: вы их, Лариса Павловна, тут не балуйте, я в том смысле, что пусть сами живут. А то я ведь вас знаю, то диванчик дадите ненужный, потом еще что-нибудь – так и привыкнут, что вечно кто-нибудь за них делает. Это, конечно, дело ваше, не подумайте, что вмешиваюсь, просто предупредил.

– Я понимаю, – с готовностью откликнулась Лалочка, – все понимаю. Но диванчик-то действительно у нас лишний, куда нам его?

– Да я не про диванчик, – усмехнулся Федор Константинович, – я вообще.

– Все сделаем, как пожелаете.

– Спасибо за понимание.

– Прошу к чаю. Я хворост приготовила, такой вкусный вышел, вот попробуйте, – Лалочка водрузила на стол огромное хрустальное блюдо. – А все-таки, вы Федор Константинович о том не думали?

– О чем? Отчего это у Виталия Альбертовича животик такой отрос? – пошутил он, отдав Лалочкин кондитерский шедевр.

Лалочка засмеялась:

– Хи-хи-хи! Да нет, я про то, чтобы вам самим тут поселиться, а детям старую квартиру оставить?

– Хм, – Федор Константинович привычным жестом пригладил волосы. – Честно сказать, подумывал. Но это я сам с собою подумывал, а дело-то касается не только меня одного. В общем, решил, что так все же лучше будет. Уж вы не обессудьте.

– Нет, ну что вы, Федор Константинович, мы вас давно знаем и ваше решение уважаем. Тем более, Боря ваш, кажется, мальчик симпатичный, и Анечка – Анечка просто чудо.

– Рад, что вы так считаете. Только уговор, – он со значительным видом поднял указательный палец, напоминая Лалочке о ранее сказанном.

– Я поняла, – поспешила заверить его Лалочка, – все поняла. Но нельзя же жить, чтоб друг друга не замечать? Люди должны помогать друг другу, лично я – так считаю. Вы вот, Федор Константинович, как нам помогли – слов нет. Всю жизнь вам благодарны будем. Честное слово.

– Ну уж, – Федор Константинович отвел от себя комплименты, – не преувеличивайте. Я не альтруист, в конце концов, и вам не советую. Спасибо за чай и позвольте откланяться.

– Всегда рады вас видеть. Вы уж нас не забывайте.

– Как же – мы же с вами теперь почти что родственники, – пошутил он.

– Вот и я говорю, – обрадовалась Лалочка. – Милости просим, в любое время.

– Спасибо. Желаю здравствовать.

* * *

Следующий день в семействе Лунгиных был днем из жизни муравьев: с самого утра все бегали, сустились, что-то разбирали, складывали, переносили, перетаскивали, мешали друг другу, уступали дорогу, помогали, советовали... Переезд – дело хлопотное даже в том случае, когда особо нечего собирать.

Все утро Борис и Анечка, пребывая в самом счастливом расположении духа, никак не могли сконцентрироваться на поставленной задаче, и своими хаотическими перемещениями по квартире только мешали Валентине Матвеевне, думавшей за всех и отделявшей от нажитого добра посильную часть: чтоб молодым на новом месте было в чем чай вскипятить, и суп сварить, и чем его есть, и на чем спать, и чем лицо вытирать. Они же сами за прошедшие полдня едва справились с тем, что собрали свои личные вещи.

После обеда Федор Константинович вызвал микроавтобус, куда погрузили все вещи, потом уселись сами: он впереди, а молодежь с Валентиной Матвеевной, продолжавшей давать последние наставления, в салоне, и отправились на новую квартиру, где все уже было приготовлено к встрече дорогих соседей.

К вечеру, устав от переселенческого празднично-делового ажиотажа, накрыли стол на кухне. Сидели совсем по-семейному. Разговаривали, как родственники, которые встречаются только по праздникам. Все шло чудесно, лучшего нельзя и пожелать.

* * *

Анечка уединившись осматривала квартиру. В тот первый раз она смотрела на все совсем с другим настроением, и оттого толком ничего не разглядела, не запомнила даже, как расположены комнаты. Но теперь глазам ее открывалась совершенно иная картина. За те дни, что прошли с момента их первого появления здесь, когда отец преподнес им этот в полном смысле бесценный подарок, она постепенно привыкла к мысли, что они больше не гости в той квар-

тире, в которую она поначалу даже в гости-то стеснялась зайти, но – хозяйева! И теперь осматривала все хозяйским взглядом.

Планировка в этот раз показалась ей простой и очень удобной: из прихожей прямо от двери вел широкий длинный коридор, разделяя квартиру на две почти равных половины, и упирался в ванные комнаты. По левую сторону того коридора располагалась их с Борисом часть, по правую – Яновских. Две двери с одной и с другой стороны, в шахматном порядке. Налево из прихожей вел другой коридор, такой же широкий, но вдвое короче – в кухню. Были еще какие-то небольшие ответвления, потайные дверцы: эта в кладовую, за другой – еще что-то.

Как и в первый раз, Анечке казалось, что квартира эта больше похожа на музей или на театр. Вернее так: их половина – на музей, а хозяйская – на театр. Эти длинные полутемные увешанные различными старинными бра коридоры с крупным скрипучим вытертым паркетом, высокие двустворчатые двери с латунными ручками, огромные окна с рамами, разделенными на шесть частей, широкие подоконники, шторы с потолка до самого пола с подвязками. И комнаты, уставленные антиквариатом.

Анечка ходила, обращая внимание на всякую мелочь, и всякая мелочь удивляла ее. Какие-то пуфики на львиных ножках, полосатые кушетки с валиками, тумбочки, этажерки уставленные милыми безделицами собранными, кажется, со всего света, стеклянные шкафчики с хрустальной посудой, серванты с фарфором, прозрачным на свет, секретер, хранящий тысячи секретов, каждый в отдельном ящичке, вазы, картины – и это малая часть того, что хранила в себе эта загадочная квартира – только то, что осталось на их половине.

И книги, множество книг, в шкафах до самого потолка, на полках, за стеклянными дверцами, папки с какими-то рукописями торчат наверху, тумбы, заваленные бумагами, так что они вылезают из-под дверцы, конторка и огромный дубовый письменный стол с пресс-папье и чернильным прибором. «Только гусяного пера не хватает, – подумала про себя Аня, – и все-таки книги, что за книги?»

Она вернулась к шкафам и принялась разглядывать старые тисненные золотом корешки. Яновский А. В. Что-то знакомое. Яновский...

В эту минуту размышления ее прервал появившийся на пороге комнаты Виталий Альбертович:

– Анечка, а мы вас потеряли. Отчего вы здесь?

– Так, смотрю... Вы читаете Яновского?

– К слову сказать, Альберт Витальевич Яновский – мой отец. А вы знакомы с его трудами?

– Ой, нет... – она смутилась, что-то соображая. – Ой, так вы, значит, выходит, Виталий Альбертович Яновский, тот самый, чью книгу мы в институте изучали по истории.

– В самом деле? Что за книга?

Анечка смутилась еще больше, потому что ни названия, ни содержания в точности не помнила:

– Там что-то про купечество, и...

– Понял-понял, все понял. Очень интересно, действительно, я об этом писал, но никогда не думал, знаете ли, что пойдет такой, с позволения сказать, резонанс. А что за институт, простите?

– Химико-технологический.

– Тем более странно! – искренне удивился Виталий Альбертович. – Вы не находите?

– Просто там новый факультет открыли, экономический, так вот по вашей книге, – она вспомнила, – мы изучали торговые отношения в России с семнадцатого века и до семнадцатого года.

– Ха-ха-ха! – прыснул Виталий Альбертович. – Вас понял, – и снова не сдержался. – Ха-ха-ха!

Анечка смотрела на него, улыбаясь за компанию и не понимая, что это его так рассмешило, но спросить постеснялась.

– Ну, пойдемте же назад в общество, а то нарушим сложившийся баланс, – сказал он, и только потом сообразив, что вышло, рассмеялся снова. – Ха-ха-ха! Скажите, Анечка, а вы сейчас по специальности работаете?

– Да, помощником бухгалтера.

– Отлично, просто отлично. Тем более вам не следует надолго покидать компанию.

Они направились назад в столовую, и Аня, глядя на этого странного господина в турецком халате и в туфлях-скороходах, думала о том, что опять попала в какую-то странную среду, где ее снова станут допрашивать и подгонять под какие-то рамки. И от подобных мыслей ей стало очень неприятно на душе. Но только на какое-то мгновение. Затем она быстро утешилась тем, что здесь она сама себе хозяйка и никому не позволит вмешиваться в их личную жизнь. «Тем более возможно, что никто вмешиваться и не собирается, а просто это мы вторгаемся в чужую жизнь?» – подумала она.

Она представила себя на месте хозяев, которые неизвестно сколько лет тут прожили, и у них давно сложились свои правила и привычки, которые не так легко отделить от себя, как ту самую часть квартиры слева от коридора. Сложно представить, что ты больше не хозяин там, где прожил всю свою жизнь. А мы кто? Смешно, конечно, смешно.

В очередной раз взглянув на чудаковатую фигуру Виталия Альбертовича, она никак не могла свыкнуться с мыслью, что именно этот человек написал ту книгу, которую они читали в институте. «Совсем не похоже, – думала она, – может быть, он просто меня разыгрывал? И это вовсе не он? Но – Виталий Яновский – это он. Странно. Сын академика! Вот отчего у них дома столько книг. И в шкафу огромное собрание – неужели столько может написать один человек? Поразительно! Нужно будет почитать, что же он там написал. Интересно».

* * *

Глубоко за полночь, когда веселье улеглось и Федор Константинович отправился домой, а хозяева к себе, Борис и Аня сидели в одной из своих комнат, там, где раньше располагалась библиотека академика Яновского. По правде говоря, она располагалась там и теперь, потому что попросту некуда было девать. Счастливое возбуждение, только подогретое коньяком, никак не проходило, и спать совсем не хотелось. Они сидели друг напротив друга на низких пуфиках так же оставленных им во временное пользование и, глядя друг на друга, улыбались.

– Посмотри, это все теперь наше! – восхищенно восклицала Анечка полупшепотом. – Наше! Смотри, как во дворце! А?

– Согласен, – отвечал Борис тоже шепотом, радуясь от того что видел, как счастлива его Анечка. – Мы о таком и не мечтали, правда?

– Правда. Я такого даже не видела нигде, только в музее.

– Ну что, столичная принцесса, теперь твоя душенька довольна? У вас с маман небось тоже такого не было?

– Что ты! Смотри, тут везде лепнина на потолках. О! Красота какая! – она смотрела на потолок, закинув голову. – А это, – Аня подскочила к окну и дотронулась до тяжелой темно-зеленой портьеры с богатым золотым узором, – посмотри!

– Нужно будет им отдать, – сказал Борис, – потом.

– Зачем? – простосердечно удивилась она. – Зачем им лишние, если у них теперь столько окон нет?

– Но это ведь не наше, пусть заберут.

– Ты что, и шкафы им понесешь? – удивлялась Аня. – Лариса Павловна сказала, что мы можем пользоваться всем, что здесь есть, разве ты не слышал?

– Ее право предложить, а наше право – отказаться, – сказал Борис. – Нам чужого не надо, сами себе заработаем. У меня теперь работа хорошая, так что... ну, иди ко мне.

Анечка задержалась окна.

– Нет, ну зачем же все отдавать, ведь им же не нужно, правда, не нужно...

– Откуда ты знаешь, что им нужно?

– Лариса Павловна...

– Мы их второй раз в жизни видим, – перебил ее Борис, – так что не знаем...

– А чего тут знать, – в свою очередь перебила его Аня, – раз предлагают, нужно пользоваться, у нас же нет ничего.

– Будет. Все будет, не сразу, но постепенно, – ему начинал надоедать этот разговор, – иди ко мне, моя дорогая, дай я тебя поцелую.

Анечка подошла:

– Но... зачем же шторы?

– Мне просто цвет не нравится, – он стал целовать ее, осторожно одной рукой расстегивая блузку, – веришь? – он посмотрел ей в глаза.

И Аня, позабыв о шторах, прошептала в ответ:

– Хорошо, я согласна.

* * *

В понедельник после переезда Борис отправился на работу в приподнятом настроении – все складывалось как нельзя лучше: квартира есть, Анечка счастлива, и предложение Игорька осталось в силе.

Помнится, где-то месяц тому назад Игорь предложил Борису выкупить половину бизнеса и сделаться равноправным компаньоном, а не наемным рабочим, каким он был теперь. Борис решил во что бы то ни стало воспользоваться данным предложением не только из соображений финансовых, но еще и потому, что его слишком угнетало положение подчиненного перед одноклассником и давним другом. Неудачная попытка занять на это денег у отца привела его в ярость. Но не потому, что он решил отказаться от своего решения выкупить предлагаемую половину, но потому что пришлось отказаться от обещания снять отдельную квартиру для них с Аней. И он не мог смириться с тем, что без какой-либо вины со своей стороны, вдруг оказался в глазах Ани подлецом и предателем, в глазах отца – беспомощным и униженным попрошайкой, а в глазах Гарика – просто идиотом. Вернее, таким в чужих глазах виделся себе он сам. Но легче от этого, понятно, не становилось.

Но теперь все сложилось отлично – появилась квартира, и он со спокойной душой мог направить все силы на то, чтобы определиться в деле и занять прочную позицию компаньона и совладельца.

Недавно налаженному и стремительно развивающемуся бизнесу постоянно нужны были новые вливания, и потому неистовое желание Бориса как можно скорее решить вопрос о вступлении в долю, были Гарик только на руку. На те деньги он взял в аренду на полгода у одного отцовского знакомого старый уазик-буханку, что позволило ему разом существенно увеличить поставки. Борису же приходилось работать за двоих, чтобы осилить увеличившийся чуть ли не вдвое приток светильников – привести их из разобранного состояния в собранное и готовое к продаже мог только он один.

И вот с утра пораньше он забрался в свой подвал на улице Рядовой, увидел горы короб с хранящимися в них разобранными светильниками и, подумав, что этого ему и вовек не собрать, сразу принялся за дело. Трудился он рьяно, без устали свинчивая плафоны, вставляя патроны, вкручивая лампочки, навешивая висюльки и еще неведомые какие бесчисленные украшения, забывая обо всем.

К обеду в подвале, а вернее, в штабе, как они называли свое теперешнее местоположение, появился Гарик. Он привез еще партию.

– Привет! Как успехи? – воскликнул он, входя.

– Да, вроде, нормально, – ответил Борис. – Работаем.

– Как думаешь, успеешь к завтраму еще десять «фонариков» собрать? На Звездную повезу, они там требуют, весь телефон мне взорвали.

– Постараюсь.

– Ладно, я пошел разгружаться, потом загружаться и поеду по магазинам, кому чего не довез. Ты все сделал, что я просил?

– Да, вон в том углу смотри, ищи, там все.

– Ты молодец, супер. Все, значит, живем, – хлопнул Гарик Бориса по плечу. – Спасибо.

– Рад стараться!

– Эх, что армия с человеком делает!

Они засмеялись.

– Ладно, я погнал, а то мне некогда. И так, боюсь, везде не успею.

– Давай помогу. По крайней мере разгрузить. Опять что ли целую машину привез?

– Да нет, деньги-то откуда? Только самое срочное.

Они вышли на улицу к машине.

– Кстати, ты знаешь, – сказал Борис, – пока тебя не было, мы с Анькой уже переехали.

– Да ладно! – восхитился Гарик. – В самом деле? Так быстро?

– А чего там, нищему собраться – только подпоясаться. Так что с зарплаты, имей в виду, приглашаю на новоселье.

– Окей! Все понял, все деньги, которые сегодня соберу – все твои.

– Ха-ха-ха, ловлю на слове!

– Идет, но в субботу жди в гости.

За разговором они и не заметили, как разгрузили машину. Затем Гарик снова ее загрузил уже готовыми люстрами и умчался по «точкам». Борис, оставшись один, вновь с головой ушел в работу.

Возвращался домой уже ближе к полуночи. Шел пешком, экономя на маршрутке. «Да и быстрее получится, чем ждать, – думал он. – Идти теперь совсем рядом, и пройтись не мешает, – подбадривал он себя, наслаждаясь ночной майской прохладой и пением соловья в больничном саду. – Эх, хорошо! – говорил он, разминая затекшие руки и ноги и освежая одуревшую от суточного сидения запертую голову. – Жаль только, что окон там нет – не увижу, как и весна пройдет».

Анечка возвращалась с работы гораздо раньше. Она все так же работала помощником главного бухгалтера в небольшом частном предприятии, куда устроил ее Федор Константинович. Небольшое частное предприятие под громадной вывеской «Салон красоты и чистоты» занималось тем, что оказывало услуги населению по наведению в их квартирах и коттеджах той самой красоты и чистоты. А лично Аня занималась тем, что во всем помогала главному бухгалтеру – Галине Ивановне, женщине доброй, энергичной и очень умной.

Поначалу Анечка составляла предварительный баланс, суммируя приход-расход, затем просто вносила данные в компьютер, всякий раз с трудом одерживая верх над «Лексиконом»,

затем просто приносила накладные из салона, заваривала Галине Ивановне чай, поддерживала порядок на рабочем месте, ходила в канцелярский магазин за скрепками для степлера, и в остальное время развлекала Галину Ивановну интересной беседой, пока та в одиночку, как раньше, успешно справлялась с балансом и отчетностью.

Галина Ивановна относилась к Ане тепло и по-дружески, ничем не выражала своего личного мнения о ней, как о специалисте, но внутри себя никак не могла преодолеть странно-двойственного отношения к этой загадочной девушке.

Сама по себе эта девушка была ей бесконечно симпатична, но в том, что касалось работы, Галина готова была просто удушить ее собственными руками. И дело заключалось даже не в том, что от Ани ей было мало толку, нет, хотя и это тоже заботило ее, но гораздо в меньшей степени, чем главное: Галина не могла простить ей совершенно непростительного равнодушия к делу, которым искренне болела сама и которому всеми силами пыталась ее обучить.

Галина Ивановна, женщина неполных сорока лет, которая, закончив простые бухгалтерские курсы и сама того не подозревая, обрела себя в новой профессии, превратившись в настоящего гения бухучета, виртуозно творившего то, что было скрыто от посторонних глаз, старалась передать Ане все свои знания и опыт, чтобы и ее превратить в такого же гения, но в гораздо более короткий срок. На что у Галины были свои соображения, которые, впрочем, пока не время раскрывать.

Скажем только, что, промучившись пару месяцев и окончательно уяснив себе, что с этой девушкой ей совсем не по пути, Галина Ивановна собралась однажды с силами, и отправилась к начальству с просьбой подыскать Ане замену. Самой Ане об этом своем решении она, понятное дело, ничего не сказала по нескольким причинам: во-первых, она относилась к своей помощнице чисто по-человечески очень хорошо, во-вторых, считала ее человеком не безнадежным, просто занятым не своим делом, в-третьих, была почти на сто процентов уверена, что из фирмы ее не выгонят, а только переведут на другую должность, что, в-четвертых, поможет ей лучше проявить себя в какой-нибудь иной сфере деятельности.

А пока начальство думало, она продолжала вести себя по-обычному спокойно и доброжелательно, прививала Анечке деловую хватку и учила жизненным премудростям.

* * *

С тех пор, как великодушная Галина Ивановна избавила Аню от компьютера и тех ужасных бумажек с бесконечными циферками и буквами в столбцах, Анечка перестала так тяготиться своей работой, как в первые месяцы. Теперь в будние дни она гораздо легче переступала порог своего дома по утрам, и гораздо веселее переступала его по вечерам. Она больше не ощущала себя высосанным до последней капли крови мертвецом, и в конце дня у нее еще оставались силы на то, чтобы сделать что-нибудь по хозяйству, как, например, приготовить припозднившемуся мужу ужин. Она была бесконечно рада тому, что теперь эти полномочия всецело в ее руках, и ощущала в себе прилив кулинарно-творческих сил, чего с ней никогда в жизни не случалось.

Вернувшись домой в начале первого ночи, Борис осторожно поворачивал ключ в замке, стараясь производить как можно меньше шума. Он аккуратно приоткрыл входную дверь, так чтобы она не скрипела, и протиснулся в прихожую. Каково же было его удивление, когда он увидел, что повсюду в доме горит свет, а из кухни доносятся оживленные женские голоса.

Он снял ботинки и прошел в кухню. Там за столом он застал Аню и Лалочку.

– Добрый вечер, – поздоровался он, слегка сбитый с толку столь поздней трапезой.

– Привет, – радостно улыбнулась ему Аня.

– Здравствуй, здравствуй, – приветствовала Лалочка. – Припозднился, или тебя на цепи там держат? Где там ты работаешь, а, Боря? – она лукаво улыбнулась.

– Никто не держит, я сам себя держу, – ответил он, устало присаживаясь на стул у стола.

– Да, правда, ты чего так поздно? – спросила Аня.

– Работы – вал, хоть там ночуй.

– А мы тебе вкусное приготовили, – радостно сообщила Анечка. – Будешь?

– Да мне что угодно, я на все согласен, главное – побольше.

– Отлично, – она направилась к плите, – такого ты точно еще не пробовал.

– А что там?

– О! Ос-со-бу-ко по-милански! – произнесла она первое слово старательно по слогам. – Это меня Лариса Павловна научила.

– А что это? – насторожился Борис, опасаясь, как бы не пришлось ему есть вареных жаб или еще какие деликатесы в том же роде.

– Вообще, оссобуко по-итальянски – это мозговая кость, и готовят его из задней ноги молочного теленка, но мы, за неимением теленка приготовили, из чего было, – объяснила Лалочка, как обычно лучезарно улыбаясь, – и главное здесь все-таки соус.

– Да, там специальная пряная смесь, – торопилась рассказывать Анечка, ставя перед мужем большую тарелку с мясом и рисом, – из петрушки, чеснока и...

– Лимонной цедры, – подсказала Лариса Павловна.

– Да, и лимонной цедры, и даже название у нее специальное... это...

– Гремолата, – вновь подсказала Лалочка.

– Вот, точно, гремолата! Ну, как, вкусно?

Борис попробовал и честно признался:

– Очень! Хоть и не из мяса молодых бычков, но я бы, кажется, еще и добавки попросил. Очень вкусно, спасибо.

Анечка сияла. Наконец-то и ей удалось проявить себя умелой хозяйкой и любящей заботливой женой. Она была так рада и так благодарна судьбе за то, что она свела ее с такой прекрасной женщиной, как Лариса Павловна, которая сразу отнеслась к ней не только по-дружески, но и почти по-родственному, как никогда не относилась к ней даже свекровь, Валентина Матвеевна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.